

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХІІ.

1899.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Валашиевъ и К^о». Наб. Фонтанки, 95.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Е Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я 3

Н. Я. Марръ. Изъ поѣздки на Афонъ 1
М. М. Богословскій. Смоленское шляхетство въ XVIII вѣкѣ 25
А. Н. Веселовскій. Три главы изъ исторической повѣтки 62

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

В. Г. Васильевскій. Византийскій Временникъ за пять лѣтъ 132
В. П. Бузескуль. Новое изслѣдованіе по исторіи панства въ XI вѣкѣ 166
Г. Покровскій. Отвѣтъ г. Б. В. Никольскому 190
Н. Р. Ланге. Отвѣтъ Э. Л. Радлову 201
Э. Л. Радловъ. Нѣсколько замѣчаній по поводу возраженія проф. Ланге 212
 — Книжныя новости 216
 — Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ) 1

С О В Р Е М Е Н Н А Я Л И Т О П И С Ъ .

Р—цы. Вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ въ литературѣ и въ дѣйствительности 1
 — С.-Петербургскіе вышніе женскіе курсы въ 1897—1898 академическомъ году 48

О Т Д Ъ Л Ъ К Л А С С И Ч Е С К О Й Ф И Л О Л О Г И И .

Ө. Ө. Соколовъ. По поводу книги С. А. Жебелева 83
А. Г. Малеминъ. Древнѣйшая Ватиканская рукопись Марціала 104
С. А. Жебелевъ. Архонтъ Эрасифонтъ и архонты опнока С. Г. А. II 869 116
А. Г. Векштремъ. Непозданные отрывки Руфа Эфесскаго 121

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И .

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ (л. 23 и 24) 354

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го марта).

СМОЛЕНСКОЕ ШЛЯХЕТСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ ¹⁾.

I.

Русское дворянство, слившееся теперь въ такую однородную массу, составилось изъ крайне различныхъ этнографическихъ элементовъ. Эти элементы проникали въ него двоякимъ образомъ. Во-первыхъ въ него заносились отдѣльныя иноземныя частицы: то были выходцы изъ разныхъ земель, являвшіеся искать счастья въ Россію и становившіеся здѣсь родоначальниками нашихъ дворянскихъ фамилій. Эти выходцы довольно скоро русѣли, сливаясь съ общою русскою дворянскою массой. Ихъ прозвища передѣлывались на русскій ладъ и ихъ иностранная кровь безслѣдно растворялась въ массѣ русской. Съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ расширялась территорія русскаго государства на счетъ сосѣдей и присоединялись цѣлыя населенныя области—составъ нашего дворянства увеличивался тѣмъ, что въ него цѣликомъ включался высшій слой населенія присоединяемыхъ областей: оно вбирало въ себя сливки присоединяемыхъ обществъ. Естественно, что благодаря своей связи съ мѣстностью, эти окраинныя дворянства оказывали гораздо большее сопротивленіе процессу слиянія съ массой русскаго и, попадая въ общее его русло, долго еще продолжали течь въ немъ отдѣльными замѣтными струями. И теперь еще дворянства нашихъ окраинъ: острейское, польское и кавказское во многомъ сохраняютъ свою самобытность. Въ прошломъ вѣкѣ такихъ отдѣльныхъ струй въ общемъ руслѣ дворянства было больше. Замѣтны были нѣкоторыя такія, которыя теперь уже окончательно исчезли. Такою отдѣльною струей до 60-хъ годовъ XVIII

---

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Археологической комиссіи Московскаго Археологическаго общества.

вѣка было смоленское дворянство, тогда окраинное. Не слѣдуетъ забывать, что Смоленская область была тогда пограничною: рубежъ Россіи съ Польшою до перваго раздѣла проходилъ всего въ какихъ нибудь 400 верстахъ къ западу отъ Москвы и, какъ это ни странно кажется теперь, дворянство одной изъ самыхъ центральныхъ губерній чинѣншей Европейской Россіи хранило многія отличія отъ прочей массы дворянства—бытовья и юридическія.

Въ Московскихъ архивахъ хранятся документы, позволяющіе подробно ознакомиться съ этими особенностями смоленскаго дворянства въ XVIII вѣкѣ, „смоленской шляхты“, какъ оно тогда называлось¹⁾. Знакомство съ этими особенностями не лишено нѣкотораго научнаго интереса: ими нельзя пренебречь при изученіи того процесса, которымъ складывалось русское дворянство. Химикъ, изучая какое нибудь тѣло, однородное для простаго глаза, производить его анализъ, выдѣляеть элементы, его составляющіе и показываетъ процессъ ихъ соединенія для образованія тѣла. Чтобы разгадать процессъ образованія русскаго дворянства, необходимо также произвести химическій анализъ этой однородной на взглядъ массы, выдѣлить всѣ тѣ составныя части, изъ которыхъ она сложилась и изслѣдовать каждую от-

¹⁾ Именно въ Архивѣ минист. юстиціи сохранилось два рода документовъ: во-первыхъ дѣла Сената по Смоленскому шляхетству—главнымъ образомъ относящіяся къ служебному его положенію. Эти дѣла частію выдѣлены въ особую группу, частію разсѣяны спорядически по своей необозримой массѣ сенатскихъ дѣлъ за XVIII вѣкъ; сюда относятся №№ (книгъ): 1339—1343, 2533, 2603, 2816, 3015, 3087, 3146, 3218, 3277, 3290, 7301; во-вторыхъ столбцы и книги по Смоленску—съ поземельными дѣлами за XVII и XVIII вѣка. Документы Архива юстиціи были любезно указаны намъ покойнымъ *А. Н. Зерцаловымъ*. Въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ,—въ дѣлахъ Смоленскаго приказа много дѣлъ относящихся къ смоленской шляхтѣ за XVII-й вѣкъ. Положенія смоленскаго шляхетства въ XVIII вѣкѣ коснулся авторъ извѣстнаго труда о русскомъ дворянствѣ XVIII вѣка, проф. *Романовичъ-Славатинскій* (стр. 120). Но коснуться его онъ могъ только вскользь, такъ какъ имѣлъ подъ руками только матеріалъ, появившій въ Полное Собраніе законовъ; но то что попало въ это собраніе относительно Смоленскаго шляхетства—составляетъ только незначительную долю, въ сравненіи съ документами, хранящимися въ архивахъ. Упоминаетъ о Смоленскомъ шляхетствѣ и *Соловьевъ* въ Исторіи Россіи, но онъ касается его только случайно и отрывочно, не давая обстоятельной характеристики его положенія. Такъ въ т. XIX, стр. 190, изд. 1876 года онъ цитируетъ указъ о невыѣздѣ смоленской шляхты за-границу, въ т. XXII, стр. 101, изд. 1880 г. приводится одно донесеніе командира шляхты, о которомъ см. ниже. Повидимому, дѣла сената, поименованіе „дѣлъ по смоленскому шляхетству“ были ему неизвѣстны, по крайней мѣрѣ въ то время, когда составлялся XXII томъ исторіи.

дѣльно. Тогда и процессъ его образованія будетъ представленъ отчетливо.

Смоленская область имѣла въ русской исторіи межеумочный характеръ. Населенная вѣками славянскимъ племенемъ кривичей она въ XII вѣкѣ дѣлается достояніемъ одной изъ линій Мономахова дома. Съ XIV вѣка по обѣимъ сторонамъ ея возникаютъ два могущественныя государства, и она становится сначала ареною перемѣнчивой борьбы двухъ вліяній — московскаго и польско-литовскаго, а потомъ дѣлается предметомъ борьбы двухъ государствъ. Въ началѣ XV вѣка она теряетъ самостоятельность, подпавъ подъ власть Литвы, и съ тѣхъ поръ переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ началѣ XVI вѣка она переходитъ во власть Москвы, въ началѣ XVII дѣлается опять достояніемъ Польши и, наконецъ, въ половинѣ XVII вѣка присоединяется уже навсегда къ Московскому государству. Это пребываніе въ составѣ Польши не осталось безъ вліянія на высшемъ, по крайней мѣрѣ, словѣ населенія этой области. Присматриваясь къ фамильнымъ прозвищамъ смоленскаго шляхетства, мы видимъ очень немного великорусскихъ именъ; большая же часть этихъ прозвищъ — со свойственными юго-западной Руси окончаніями на *чъ*, какъ Адамовичи, Засуличіи, Богдановичи, Прокоповичи, Отрошковичи, Карновичи, Станкевичи и др. или, что еще чаще, на *скій*, *цкій*: Азанчевскіе, Высоцкіе, Воплярлярскіе, Верховскіе, Воеводскіе, Загряжскіе, Заблоцкіе, Ковалевскіе, Краевскіе, Миклашевскіе, Островскіе, Ровинскіе, Рачинскіе, Храповицкіе и др. Въ этихъ фамильныхъ прозвищахъ съ окончаніемъ на *скій* и *цкій*, заимствованныхъ отъ названій *мѣстности* нельзя не видѣть Польскаго вліянія ¹⁾. Великорусскія дворянскія фамиліи, кромѣ княжескихъ, не имѣютъ такого земельного происхожденія. Представители всѣхъ этихъ фамилій еще въ XVIII вѣкѣ говорятъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, сохраннымъ намъ документами благодаря звуко-

¹⁾ Вотъ перечень наиболее видныхъ фамилій Смоленскаго шляхетства: Адамовичи, Азанчевскіе, Богдановичи, Болкошины, Борейши, Борщевскіе, Броневскіе, Верховскіе, Воеводскіе, Волженскіе, Воплярлярскіе, Воронцы, Высоцкіе, Галинскіе, Грабовскіе, Грибовскіе, Гурко, Догоновскіе, кн. Друцкіе-Соволынскіе, Дубровскіе, Ефимовичи, Заблоцкіе, Загряжскіе, Залѣвскіе, Засуличіи, Карновичи, Кеплинскіе, Киркоры, Ковалевскіе, Корсаки, Косовскіе, Коховскіе, Краевскіе, Красовскіе, Лопенцкіе, Маневскіе, Миклашевскіе, Мрачковскіе, Новицкіе, Островскіе, Пассеки, Пенскіе, Пожонны-Отрошковичи, Поплонскіе, Потемкины, Прокоповичи, Пузыревскіе, Рачинскіе, Реутовы, Ровинскіе, Рывданскіе, Савицкіе, Станкевичи, Сурожевскіе, Храповицкіе, Швыковскіе, Щелканы, Энгель-Гарты.

вой орфографіи, пишутъ по большей части латинскимъ шрифтомъ и носятъ національный польскій костюмъ, въ которомъ и являются въ военную службу. Въ 1724 году камеръ-коллегія освѣдомилась, не носятъ ли кто въ Смоленскѣ „неуказаннаго“ (запрещеннаго указомъ русскаго) платья и штрафуютъ ли носящихъ таковое. Смоленская губернская канцелярія въ отвѣтъ доносила, что въ Смоленскѣ обыватели „все ходятъ въ указномъ платьѣ. Только смоленская шляхта и дѣти и служители ходятъ въ платьѣ польскаго мапера, а не нѣмецкаго, какъ всегда хаживали и бываютъ въ такомъ платьѣ и въ Петербургѣ, а въ 1721 г. были въ немъ въ Москвѣ на смотру“¹⁾. Многіе изъ нихъ, находясь подъ польскимъ владычествомъ переимѣнили не только платье, но и религію и перешли въ католицизмъ. Однако держались его не твердо: по крайней мѣрѣ по возвращеніи Смоленска къ Россіи при царѣ Алексѣѣ много плѣнныхъ смоленскихъ шляхтичей принимали въ Москвѣ вновь православную вѣру, имѣя въ перспективѣ „государево жалованье“, выдаваемое переимѣнявшимся вѣру²⁾. Польское вліяніе не прекращалось и въ XVIII вѣкѣ, въ особенности благодаря тому, что знатные смоленскіе шляхтичи отдавали дѣтей за-границу въ польскія школы, гдѣ они и принимали католицизмъ. Въ 1728 году въ Сенатѣ производилось большое дѣло о „превращеніи“ въ католическую вѣру 30 человекъ изъ смоленской шляхты. Обвиняемые принадлежали къ лучшимъ фамиліямъ, игравшимъ наиболѣе видную роль въ смоленскомъ дворянствѣ: Потемкиныхъ, Волларлярскихъ, князей Друцкихъ-Соколинскихъ и др. Двухъ изъ нихъ такъ и не удалось привезти въ Москву: они бѣжали за рубежь, гдѣ одинъ даже постригся въ ксендзы. На допросѣ обвиняемые показывали, что обращены были въ католическую вѣру въ дѣтствѣ, когда ихъ отдавали „для обученія латинскаго языка“ въ Оршу, Мстиславль или Витебскъ въ монастыри „ксендзовъ-езувитовъ“; что эти послѣдніе имъ объявляли, „что какъ греческая такъ и римская вѣра равны“, поэтому они и мѣняли вѣру. Дамы, привлеченныя къ процессу показывали, что мѣняли вѣру также въ дѣтствѣ въ возрастѣ лѣтъ десяти и одиннадцати, когда ихъ отдавали къ знатнымъ польскимъ родственницамъ „для обученія тамошнихъ польскихъ въ церемоніяхъ поступокъ“. Нѣтъ ничего естественнѣе, конечно, что, получая воспитаніе

¹⁾ Арх. Мин. Юстиц. дѣла Камеръ-Коллег. вѣзга 7, дѣло 10.

²⁾ Арх. Мин. И. Д. Дѣла Смоленскаго приказа. Столбцы 1655 года, № 1; 1655—1656, № 1, л. 94.

ніе въ католическихъ монастыряхъ и польскихъ аристократическихъ семействахъ, смоленскіе дворяне и сами переходили въ католическую вѣру. Между смоленскимъ дворянствомъ и дворянствомъ сосѣднихъ польскихъ областей поддерживалось знакомство и родственныя связи; нѣкоторые изъ фигурировавшихъ въ этомъ процессѣ были женаты на католичкахъ. Возвращаясь изъ польскихъ школъ на родину, иные изъ нихъ, какъ выяснилось изъ процесса, хорошо памятуя наставленія о равенствѣ греческой и римской вѣрѣ, полученныя отъ воспитателей іезуитовъ, ходили на исповѣдь къ православнымъ священникамъ, не совершая формальнаго присоединенія къ православной церкви. Другіе продолжали соблюдать католическіе обряды и заявили желаніе воспріять вновь православную вѣру только тогда, когда были уже арестованы и привезены въ Москву къ допросу. Поэтому и въ приговорѣ, поставленномъ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, послѣдніе были призваны достойными смертной казни и лишь по милосердію только осуждены на вѣчную ссылку въ Сибирь съ конфискаціей всего недвижимаго имущества; тѣ же, которые возвратясь изъ за рубежа соблюдали православныя обряды, были подвергнуты денежному штрафу и отданы подъ особо тщательный надзоръ смоленскаго архіерея¹⁾.

По поводу этого процесса были изданы въ томъ же году Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ два указа общаго характера, цѣлю которыхъ было пренятствовать распространенію католицизма среди смоленскаго дворянства. Этими указами предписывалось смоленскому архіерею имѣть попеченіе, „чтобъ смоленская шляхта вѣру греческаго исповѣданія въ благочестіи и исправно содержали и ни мало бѣ соблазна въ томъ не происходило“. Сношенія смоленской шляхты съ сосѣдними польскими областями затруднялись. Для того чтобы получить право отъѣзда за границу по дѣламъ, надо было принести присягу въ неизмѣнномъ соблюденіи греческой вѣры и, кромѣ того представить по себѣ поручителей добрыхъ и знатныхъ людей. Отдавать дѣтей въ Польшу для наукъ положительно воспрещалось; „а ежели смоленская шляхта дѣтей своихъ латинскаго и прочихъ языковъ учить пожелаютъ, чтобъ они ихъ учили въ россійскихъ школахъ, понеже такихъ школъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ довольно число“. Запреща-

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Дѣла Сепата 1840 № 1. Приговоръ о ссылкѣ не былъ, одяко, приведенъ въ исполненіе, и осужденные были возвращены съ дороги, присоединились къ православію и получили помилваніе; имѣнія ихъ были возвращены. Ср. Проток. и Журн. Верх. Тайн. Сов. въ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ., т. LXXXIV, стр. 558.

лось также держать въ домахъ своихъ для обученія дѣтей учителей или инспекторовъ римской вѣры; въ домашніе наставники позволено было брать только русскихъ подданныхъ, и только за неимѣніемъ этихъ послѣднихъ дозволялось брать иноземцевъ, но непременно греческаго вѣроисповѣданія, въ чемъ они должны были представлять свидѣтельство архіерея. Ограничено было право вступленія смоленскихъ шляхтичей въ бракъ: было запрещено во-первыхъ брать изъ за рубежа невѣсть католичекъ, во-вторыхъ отдавать замужъ дочерей и родственницъ за жениховъ католической или униатской вѣры. Но въ особенности строгія мѣры были приняты противъ пріѣзда въ Россію католическаго духовенства. На границѣ караульнымъ офицерамъ драгунамъ подтверждалось „съ жестокимъ прещеніемъ“, чтобъ изъ Польши и Литвы ксендзовъ въ Россію вѣзжать не пропускали. Если духовному лицу католическаго исповѣданія надо было пріѣхать въ Смоленскъ по своимъ дѣламъ, то пограничная стража должна была доводить объ этомъ до свѣдѣнія губернатора и архіерея; ему назначался для пребыванія въ Смоленскѣ опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго оно должно было его покинуть. Кромѣ того отъ всякаго прибывшаго въ Смоленскъ ксендза брали подписку: „дабы онъ въ бытность свою російскихъ людей по римской вѣрѣ не исповѣдывалъ и не причащалъ и никакимъ вымысломъ къ своей вѣрѣ не склонялъ и не наговаривалъ, и въ дома ихъ для того ни тайно, ни явно не ходилъ, и платья никакого, кромѣ настоящаго своего ксендзовскаго на себѣ не носилъ“. Со всего смоленскаго дворянства предписывалось отобрать письменныя обязательства „подъ жестокимъ истязаніемъ“, чтобъ они нигдѣ съ римскими ксендзами ни тайно, ни явно сообщенія не имѣли и никакихъ наговорковъ отъ нихъ не слушали. Виновныхъ въ неисполненіи этихъ постановленій губернаторъ обязанъ былъ присылать въ Сенатъ въ оковахъ, а Сенатъ, произведя слѣдствіе, долженъ былъ докладывать Верховному Тайному Совѣту ¹⁾).

Разсмотрѣнное дѣло и вызванные имъ указы вскрываютъ намъ довольно ясно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился высшій слой населенія Смоленской области къ тогдашнему польскому краю. Едва ли, однако, въ основѣ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ для устраненія связей смоленскаго дворянства съ сосѣднимъ поль-

¹⁾ П. С. З. № 5288 и 5822. *Соловьевъ* XIX стр. 190 (изд. 1876 г.) Ср. Протоколы и Журналы Верх. Тайн. Сов. въ Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXXIV, стр. 45—46.

скимъ, лежали какія нибудь политическія соображенія, въ родѣ опасенія перехода этого края въ польскія руки: край уже слишкомъ давно принадлежалъ Россіи, а Польша XVIII вѣка была слишкомъ слаба, чтобы его отнять. Скорѣе нужно думать, что поводомъ къ этимъ мѣрамъ послужила исключительно забота о чистотѣ и неприкосновенности православія ради него самого. Какъ - бы то ни было, не говоря уже о свободѣ совѣсти, указы Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничивали смоленское дворянство и въ другихъ отношеніяхъ: въ правѣ переѣзда черезъ границу, въ возможности давать дѣтямъ то воспитаніе, которое оно считало наилучшимъ и, наконецъ, въ брачномъ правѣ.

Всѣ эти ограниченія шли, однако, совершенно въ разрѣзъ съ тѣми вольностями, которыми было надѣлено это дворянство еще со времени присоединенія Смоленска и которыхъ оно не забывало до второй половины XVIII вѣка. Если тотъ налетъ польскаго вліянія, который замѣтенъ былъ на смоленскомъ дворянствѣ въ прошломъ вѣкѣ и съ признаками котораго мы только что познакомились, составлялъ одну изъ особенностей, отличавшихъ эту часть русскаго дворянства отъ его массы, особенность, которую можно назвать бытовою; то въ тѣхъ дарованныхъ закономъ или установившихся обычаяхъ вольностей и преимуществахъ, которыми оно пользовалось еще и въ прошломъ вѣкѣ сравнительно съ остальною массой русскаго дворянства, заключалась вторая особенность, которую можно назвать юридической. Въ чемъ же состояли эти вольности и преимущества?

II.

Вступивъ въ польскіе предѣлы въ 1654 г. и захватывая городъ за городомъ, правительство царя Алексѣя старалось закрѣплять за собою польскія области не только силою оружія, но и привлекая ихъ населеніе къ добровольному переходу въ подданство московскому государю. Издавались манифесты, въ которыхъ населеніе покоряемыхъ земель приглашалось „поискать къ себѣ государскія милости“, за что въ свою очередь московское правительство давало обѣщаніе перешедшихъ на государеву сторону „во всемъ оберегать и правъ и вольностей ихъ ни въ чемъ не нарушить“. Въ 1658 г. всей смоленской шляхтѣ, уже покоренной, предписывалось грамотой государя составить „сеймики“, на которомъ избрать двухъ депутатовъ и затѣмъ послать ихъ въ Вильну, чтобы они тамъ „выславляли госуда-

реву милость и жалованье, что Его Царское Величество ихъ пожаловалъ: вѣры ихъ, правъ и вольностей ни въ чемъ нарушить не велѣлъ и прежними маестностями велѣлъ имъ владѣть по прежнему, да и сверхъ прежнихъ маестностей пожаловалъ ихъ иными многими маестностями". Эти эмиссары должны были приглашать жителей Литовской земли „поскаты себѣ покоя у Великаго Государя“ ¹⁾. Дѣйствіе этихъ манифестовъ было очень успѣшно. Насколько можно замѣтить по перепискѣ московскаго правительства съ воеводами завоеванныхъ областей: Смоленской, Витебской, Полоцкой—большинство населенія, не только крестьянъ и горожанъ, но и шляхетства легко переходили въ Московское подданство. На государеву сторону выѣзжало множество шляхтичей „слыша его государеву милость къ своей братьѣ“ ²⁾. Какъ извѣстно, отъ большинства приобретенныхъ въ эту войну областей Москвѣ пришлось отказаться, но Смоленская область съ городами Смоленскомъ, Дорогобужемъ, Бѣлой, Рославлемъ и Невлемъ—остались навсегда за Москвою. Вѣсть съ этими городами навсегда перешло въ русское подданство и дворянство, населявшее ихъ уѣзды, такъ называемыя Смоленская, Бѣльская, Рославльская и Невельская шляхты. Теперь московскому правительству предстояло сдержать обѣщанія, на которыя оно было такъ щедро во время войны. Эти обѣщанія и закрѣпились цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ московскими государями во второй половинѣ XVII вѣка шляхетствамъ присоединенныхъ уѣздовъ, скоро объединившимся подъ общимъ названіемъ „Смоленской шляхты“. Всего этихъ грамотъ съ 1654 г. по 1694 г. было издано шесть. На нихъ часто ссылались смоленское дворянство въ XVIII вѣкѣ, когда заходила рѣчь о его правахъ и преимуществахъ. Посмотримъ, каково было ихъ содержаніе ³⁾.

Первая грамота по времени (отъ 18-го сентября 1654 г.) была дана смоленской шляхтѣ тотчасъ же послѣ паденія Смоленска, который сдался 10-го сентября. Въ ней—управленіе смоленскими мѣщанами, какъ и смоленскою шляхтою и судъ по ихъ дѣламъ представлялись смоленскому судѣ Голымонту, одному изъ вліятельнѣй-

¹⁾ Арх. Кст. Дѣла Сен. 3290 л. 278.

²⁾ Арх. Ин. Дѣл. Смоленскій Приказъ. Столбцы 1655—1656 гг.

³⁾ 18-го сентября 1654 г. П. С. З. № 1299; 1664 г.—Дѣла Сен. 3290 л. 335; 1682 г. П. С. З. № 983; 1694 г.—Дѣл. Сената кн. 1842 л. 88. Тутъ же ссылки на грамоты 1656 и 1668 гг., текста которыхъ намъ не удалось найти. Впрочемъ грамота 1694 г. есть только подтвержденіе этихъ двухъ.

нихъ лицъ, убѣдившихъ смоленское населеніе сдать ся государю ¹⁾. Впослѣдствіи, однако, управленіе Смоленскомъ перешло всецѣло въ руки воеводѣ. Жалованныя грамоты и обязывали этихъ смоленскихъ воеводъ „*держать къ шляхтѣ ласка, пріятъ и береженіе большое и отъ постороннихъ отъ всякихъ обидъ ихъ обернать*“. Эти слова грамотъ не заключали еще въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій; однако и въ позднѣйшихъ челобитныхъ по своимъ частнымъ дѣламъ, въ особенности когда приходилось въ чемъ нибудь жаловаться на воеводъ или позднѣе губернаторовъ, смоленскіе шляхтичи не забывали привести и эти слова, считая ихъ неизлишнимъ аргументомъ.

Вторая статья, которую встрѣчаемъ въ этихъ грамотахъ, тоже не выходила изъ области обѣщаній, также не заключавшихъ въ себѣ ничего реальнаго. Московское правительство заявляло, что оно никакимъ ложнымъ огласкамъ на шляхту вѣрить не будетъ. Очевидно, что въ Москвѣ даже и въ концѣ XVII вѣка все еще не были увѣрены въ полной преданности смоленскаго дворянства и въ невозможности измѣны съ его стороны, или по крайней мѣрѣ само это дворянство было исполнено опасеній, что въ Москвѣ не считаютъ его вѣрность достаточно твердой. Малѣйшаго повода, того, что какой то крѣпостной крестьянинъ Мишка Прокофьевъ „умысля воровски, затѣявъ напрасно, извѣщалъ на Смоленскую шляхту, будто они умышляютъ имъ Великимъ Государямъ измѣнить, чего они, и дѣды, и отцы ихъ и въ мысли себѣ не имѣли и такихъ дѣлъ не дѣлывали“—такого повода было достаточно, чтобы возбудить въ шляхтѣ тревогу и заставить ихъ обратиться къ государямъ (Іоанну и Петру) съ челобитной и ходатайствовать, чтобы государи пожаловали ихъ „за ихъ службы и за кровь и за раны и за полное терпѣніе, такимъ его Мишкинымъ затѣйнымъ на нихъ поноснымъ и съ единомышленники его наученымъ словамъ и клеветству и напрасному затѣйному извѣту вѣрить не велѣли“. Дѣло по этому доносу поступило, однако, на разсмотрѣніе государей съ думой: крестьянинъ Мишка за его воровской ложный извѣтъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, а смоленской шляхтѣ было постановлено выдать новую жалованную грамоту, въ которой вновь подтверждалось, что Великіе Государи никакимъ ложнымъ огласкамъ на шляхту вѣрить не будутъ ²⁾. Не заключая въ

¹⁾ *Соловьевъ*, X, 322 (по изд. 1877 г.).

²⁾ Такое же подозрѣніе возникало на шляхту и въ 1664 г. также по ложному доносу. Грамота 1664 г. заключала въ себѣ также обѣщаніе государя не вѣрить никакимъ ложнымъ огласкамъ.

себѣ, однако, никакихъ точныхъ юридическихъ опредѣленій, эта статья грамотъ имѣла важное значеніе: ею разсѣвались возникавшія сомнѣнія и тревоги и подтверждалось расположеніе государя, бывшее единственною гарантіей сохраненія и прочихъ правъ и преимуществъ.

Двѣ остальные статьи грамотъ вполне положительнаго характера. Одна изъ нихъ гарантировала неприкосновенность земельныхъ владѣній шляхты: „маетностями своими, которыми они владѣютъ въ Смоленскомъ, Бѣльскомъ, Дорогобужскомъ и Рославльскомъ уѣздѣхъ по ихъ Великихъ Государей указомъ и по дачамъ и по привилеямъ королей польскихъ имъ и ихъ дѣтямъ и внучатомъ и правнучатомъ владѣть по прежнему въ роды ихъ неподвижно“. Другая статья очень короткая, но гораздо болѣе общаго характера, содержала въ себѣ обѣщаніе „вольностей ихъ и правъ не нарушать“. О какихъ вольностяхъ и правахъ эта статья говорила? Подъ этими словами, читая ихъ въ манифестахъ, исходившихъ изъ московскаго лагеря, польскіе шляхтичи до присоединенія ихъ къ Москвѣ, могли подразумѣвать и невѣсть что; но послѣ присоединенія приходилось считаться съ московскимъ политическимъ строемъ и забыть очень многія изъ прежнихъ шляхтскихъ вольностей. Позднѣйшая практика установила этой широкой и неопредѣленной статьѣ довольно ограниченное толкованіе: на нее обыкновенно ссылались, когда рѣчь шла о преимуществахъ смоленскаго дворянства въ отношеніи государственныхъ повинностей, а именно службы и разныхъ казенныхъ поборовъ. Впрочемъ попытки смоленскаго дворянства оградить себя этою статьею отъ податнаго бремени успѣха не имѣли. Никакихъ податныхъ изъятій эта статья ему не обезпечила. Но за то свои служебныя преимущества оно сохранило очень долго. Итакъ, этими двумя статьями гарантировались *поземельныя права* шляхты и ея особый *служебный строй*, отличавшій ее отъ прочаго русскаго дворянства. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться во-первыхъ съ нѣкоторыми особенностями въ землевладѣніи шляхты, имѣвшими значеніе до начала XVIII вѣка и во-вторыхъ съ особенностями ея служебнаго строя, сохраненными ею до второй половины прошлаго вѣка.

Переходившіе въ подданство московскому государю польскіе шляхтичи сохраняли свои прежнія земельныя владѣнія—„маетности“, какъ они стали называться на московскомъ официальномъ языкѣ. Московское правительство, давая имъ обѣщаніе сохранить ихъ владѣнія неприкосновенными, предписывало воеводамъ оставлять имѣнія за ихъ владѣльцами, которые предъявить на нихъ привилеи, данныя поль-

скими королями. Если же у владѣльца не окажется никакихъ письменныхъ крѣпостей на маетность, тогда воеводы должны были „сыскивать про тѣ маетности всякихъ чиновъ людьми всякими сыски накрѣпко“ то-есть опросомъ сосѣдей удостовѣряться въ правильности показаній владѣльца о принадлежности имѣнія ему. вмѣстѣ съ утвержденіемъ земель за нихъ настоящими владѣльцами производились также и новыя пожалованія. Въ отличіе отъ маетностей эти вновь жалуемые земли носятъ названіе „помѣстій“¹⁾. Въ помѣстья раздавались покинутыя земли шляхетства, оставшагося вѣрнымъ королю. Челобитчикъ обыкновенно прискивалъ самъ себѣ чье нибудь такое свободное имѣніе, которое за нимъ и утверждалось²⁾. Пожалованіе шляхтичей помѣстьями производилось и впоследствии наравнѣ съ прочимъ русскимъ служилымъ сословіемъ. Такъ, по случаю объявленія царевича Федора Алексѣевича наследникомъ престола шляхтѣ были пожалованы помѣстныя придачи въ размѣрахъ отъ 50 до 80 чет. соотвѣтственно тѣмъ четыремъ статьямъ, на которыя подраздѣлялась шляхта³⁾. Благодаря съ одной стороны сохраненію земельныхъ вла-

¹⁾ Арх. мин. ин. дѣл. Дѣла Смоленскаго приказа стр. 1655 — 1656 л. 30, 82; 1657 г. л. 43 „шляхту переписать всю налицо... и что которымъ шляхтѣ прежнихъ изъ маетностей по привилегіи и послыкамъ и снова помѣстій дано“.

²⁾ Ibid. л. 36 „бить намъ челомъ выѣжей шляхтичъ Самойло Счасновскій Давнарвъ. Слыша де овъ нашу государскую цезвеченную милость... пріѣхалъ на наше царское имя на вѣчную службу, а нашего жалованья помѣстья за нимъ нѣтъ нигдѣ... И намъ бы его пожаловать въ Витебскомъ уѣздѣ шляхтича изъ Воинкова помѣстья Асенецаго деревнею Салтами, а тотъ де Воинко Асенецкій намъ Великому Государю измѣнилъ въ Польшу отѣхалъ, а то де его помѣстье по ся мѣста никому не отдано. И мы, Великій Государь... пожаловали“ и т. д.

³⁾ П. С. З. № 588. Среди жалованныхъ грамотъ шляхтѣ на земельныя владѣнія находится весьма любопытный примѣръ пожалованія земли на точно обозначенный срокъ: „билъ челомъ намъ Великому Государю полковникъ нашъ Самойло Тихоновецкій, а въ челобитной его написано: въ прошомъ во 164 г. (1656) выѣхалъ оупъ, Самойло, на наше царское имя и вѣру намъ... учинилъ, что ему, Самойлу, намъ служить во вѣки неотступно... и нынѣ де у него, Самойла, помѣстья нѣтъ нигдѣ и намъ бы его Самойла пожаловать, велѣти... дать ему, Самойлу, въ Оршанскомъ повѣтѣ княжи Сангушки суффрагана Виленскаго село Смоляны, да Обольцы, да деревни Грушку, да Крупку съ деревнями и со всѣми угоды. И мы Великій Государь... полковника нашего Самойла Тихоновецкаго пожаловали указами ему *тѣ села дати на два юды*. И по нашей государской милости Самойлу Тихоновецкому тѣми селами и деревнями со всѣми угоды къ нимъ надлежащими владѣть *два юды* и доходы всякіе тѣхъ селъ и деревень со крестьянъ и со всякихъ жидецкихъ людей и съ угодій имати и крестьянамъ тѣхъ селъ и деревень во всемъ его, Самойла, слушать и доходы всякіе, что съ

дѣній за перешедшемъ къ Москвѣ шляхтой, а съ другой щедрой раздачѣ имѣній, оставшихся свободными за отъѣздомъ ихъ владѣльцевъ въ королевскую сторону, смоленскій край уже въ 70-хъ годахъ XVII вѣка былъ густо населенъ шляхетствомъ такъ, что въ немъ чувствуется уже недостатокъ въ свободномъ запасѣ земель для дальнѣйшихъ испомѣщеній недорослей. По крайней мѣрѣ въ 1675 г. московское правительство предписывало испомѣщать въ Смоленскѣ дѣтей только тѣхъ смоленскихъ шляхтичей, которые сидѣли въ Смоленскѣ во время осады и по сдачѣ его не отъѣзжали въ литовскую сторону; а дѣтямъ тѣхъ, которые туда отъѣхали или выѣхали къ государю уже по сдачѣ Смоленска, объявить, что въ Смоленскомъ уѣздѣ ихъ испомѣщать „не изъ чего“ и предложить имъ, если они пожелаютъ имѣть помѣстья, получить ихъ въ Казани ¹⁾. Черезъ семь лѣтъ послѣ этого указа въ пользу смоленскаго дворянства была даже установлена особая привилегія: былъ изданъ законъ, предоставлявшій исключительное право на полученіе помѣстій въ Смоленскомъ, Дорогобужскомъ, Бѣльскомъ и Рославскомъ уѣздахъ только лицамъ, принадлежавшимъ къ составу смоленскаго шляхетства и рейтарамъ смоленскаго рейтарскаго полка. „Московскихъ же чиновъ людямъ“ воспрещалось какъ обращаться съ челобитьями о пожалованіи помѣстій или вотчинъ въ этихъ уѣздахъ, такъ и самимъ приобрѣтать тамъ земельныя владѣнія ²⁾.

Итакъ, земельныя владѣнія смоленской шляхты раздѣлялись на два вида: „маестности“ и „помѣстья“. Что значилъ на московскомъ юридическомъ языкѣ терминъ „помѣстье“—это хорошо извѣстно. Но

нихъ бывало напередъ сего, давати Самойлѣ... лѣта 7165 мая 12-го“ (1657 г.) Арх. мин. ин. дѣлъ, Дѣла Смоленскаго приказа, столбц. 1657 г. д. № 4.

¹⁾ П. С. З. № 556. Часть смоленской шляхты была переселена вскорѣ же послѣ завоеванія Смоленска царемъ Алексѣемъ—на „за-камскую черту“ въ Казанскую область и такимъ образомъ оказалась въ XVIII вѣкѣ въ Уфимскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи. Въ екатерининской комиссіи 1767 г. для составленія проекта Новаго Уложенія находился депутатъ отъ этого переселеннаго шляхетства, которое еще не забыло къ тому времени своей связи съ родными мѣстами: оно во-первыхъ официально продолжало именоваться „смоленскимъ шляхетствомъ Уфимскаго уѣзда“, а затѣмъ просило черезъ своего депутата о дарованіи ему права на наследства, открывшіяся послѣ родственниковъ, въ Смоленской губерніи. Сб. Имв. Рус. Ист. Общ., т. XXXII, стр. 469. XIV стр. 55. Наказъ отъ смоленскихъ шляхтичей, живущихъ въ Уфимскомъ уѣздѣ. Сборникъ, т. XCIII, стр. 12—16.

²⁾ П. С. З. № 935, 1682 г.

что такое была „маетность“? Повидимому и у самого правительства въ некоторое время не существовало опредѣленнаго взгляда на этотъ разрядъ земель. По крайней мѣрѣ первоначально оно не считало маетности совершенно совпадающими съ вотчинами. Въ первое время послѣ завоеванія оно пыталось, кажется, примѣнить къ маетностямъ некоторые черты помѣстнаго права, предписывая за остающимися послѣ убитыхъ на службѣ отцовъ дѣтми оставлять отцовское наследство не цѣликомъ, а только въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$, обращая остальное въ общій фондъ земель, изъ котораго надѣлять безпомѣстныхъ. За дочерью такихъ отцовъ, при отсутствіи сыновей, этотъ же законъ предписывалъ оставлять до $\frac{1}{2}$ отцовской маетности ¹⁾. Но такъ было только въ началѣ. Въ послѣдствіи въ законодательствѣ выражается уже довольно ясно взглядъ, сближающій маетности съ вотчинами. Въ самомъ дѣлѣ, рядъ общихъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ смоленской шляхтѣ, устанавливаетъ два признака, дѣлающихъ маетности вполне сходными съ вотчинами: эти грамоты во-первыхъ устанавливають переходъ маетностей по наследству, а затѣмъ широкое право распоряженія ими, возможное только относительно вотчинъ: „въ тѣхъ маетностяхъ они (шляхта) и дѣти ихъ и внучаты и правнучаты вольны и продати и заложити и въ придаче дати“.

На практикѣ, какъ можно судить о томъ изъ актовъ, шляхтичи совершенно смѣшивали оба вида владѣнія. Надобно замѣтить, что и самыя маетности въ польскомъ правѣ дѣлились въ свою очередь на двѣ различныя категоріи. Разобранный выше приказный докладъ 1658 г. разъяснялъ, что по показаніямъ шляхты королевскіе привилеи

¹⁾ П. С. З. № 243: 1658 г. Это, очевидно, отрывокъ изъ приказнаго доклада. Что въ этихъ постановленіяхъ рѣчь шла именно о маетностяхъ, а не о вновь пожалованныхъ помѣстьяхъ, это видно во-первыхъ изъ того вопроса, который находимъ въ этомъ докладѣ. Вопросъ здѣсь поставленъ такъ: эти правила примѣнять ли къ однимъ только старымъ маетностямъ (то-есть владѣніямъ по королевскимъ привилеямъ), или также и къ тѣмъ владѣніямъ, которыя даны по милостивому государскому жалованью, то-есть къ помѣстьямъ. Вопросъ могъ быть вызванъ тѣмъ недоумѣніемъ, которое могло быть возбуждено въ приказѣ въ томъ случаѣ, если бы пришлось примѣнять устанавливаемые этимъ закономъ нормы къ помѣстьямъ; такъ размѣры, напримѣръ дочерней части здѣсь совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя знало помѣстное право. Изъ того, какъ былъ поставленъ приказомъ вопросъ, ясно, что приказъ относилъ эти правила къ старымъ маетностямъ и только недоумѣвалъ, распространять ли ихъ на новыя пожалованія. Во-вторыхъ о помѣстьяхъ есть въ этомъ же самомъ законодательномъ памятникѣ совершенно особая статья.

на земли были двухъ сортовъ: во-первыхъ такъ пазываемые „вѣчистые“, дававшіе право распоряженія маенностью (право продажи, залога, отдачи въ приданое) и, сравнительно рѣдкіе, и во-вторыхъ обыкновенные, гарантировавшіе только переходъ маенности по наслѣдству и ея неприкосновенность въ родѣ, ею владѣющимъ, но не дававшіе права отчужденія ея безъ особаго „консесу“. Докладъ именно и жаловался на то, что шляхта не хотѣла знать этихъ различій, совершенно ихъ не соблюдала и, имѣя только обыкновенные, а не вѣчистые привилегіи тѣмъ не менѣе продавала маенности, закладывала и отдавала въ приданое до перехода подъ московское владычество и также продолжаетъ поступать и послѣ перехода. Отсюда видно, что шляхта уже привыкла до 1654 г. обращаться съ разными видами земельныхъ владѣній, какъ съ полною собственностью. Быть можетъ, соотвѣтственно этой практикѣ и московское законодательство, поколебавшись нѣкоторое время, смѣшало оба разряда маенностей въ одинъ съ характеромъ вотчинъ. Но привыкнувъ не дѣлать различій между разнаго рода маенностями еще до присоединенія къ Москвѣ, шляхта не хотѣла соблюдать также никакихъ различій между маенностями и помѣстьями въ московское время и совершенно одинаково обращалась какъ съ первыми, такъ и со вторыми. Смоленскій шляхтичъ Александръ Чижъ далъ своей женѣ запись на свое помѣстье. Въ этой записи онъ отказывалъ ей это помѣстье по своей смерти, присовокупивъ, что если на него будутъ заявлены претензіи со стороны его родственниковъ, то пусть эти родственники берутъ себѣ это помѣстье, заплативъ его женѣ 600 руб. По смерти Александра братъ его Михаилъ Чижъ выступилъ претендентомъ на его помѣстье. Дѣло разсматривалъ въ 1693 г. извѣстный думный дьякъ посольскаго приказа, которому былъ подчиненъ Приказъ княжества Смоленскаго, вѣдавшій смоленскую шляхту— Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. При разборѣ дѣла выяснилось, что и прежде смоленская шляхта по польскому обыкновению „такія записи писывали“ и что не разъ такія записи утверждались въ Москвѣ по ихъ челобитьямъ. Украинцевъ нашелъ, что запись составлена совершенно вопреки русскимъ законамъ, такъ какъ по этимъ законамъ бездѣтнымъ женамъ дается изъ помѣстій мужей ихъ только извѣстная часть на прожитокъ, „а всѣхъ помѣстій давать не велѣно“, однако въ приговорѣ постановилъ исполнить условіе предусмотрѣнное въ записи, то-есть помѣстье отдать Михаилу Чижу, а съ него выискать въ пользу жены Александра 600 рублей, какъ разъ сумму, обозначенную въ записи. При этомъ онъ сдѣлалъ только внушеніе на будущее время,

чтобы „впредь смоленской шляхтѣ такихъ записей между себя не писать“ и относительно своихъ земельныхъ владѣній руководиться правилами о помѣстьяхъ и вотчинахъ, существующими въ Уложеніи и въ новоуказныхъ статьяхъ¹⁾. Само собою разумѣется, что это внушеніе не могло прекратить сразу дѣйствія установившихся привычекъ. Различія между двумя видами земельного владѣнія исчезли постепенно—и черезъ восемь лѣтъ послѣ приговора дьяка Украинцева правительство не нашло ничего лучше, какъ, слѣдуя за жизнью, уничтожить разницу между ними и въ законѣ. Указомъ 30-го декабря 1701 г. было предоставлено смоленской шляхтѣ всѣми своими землями, каковы бы ни были источникъ владѣнія, королевскій ли привилей (маетность) или „дача“ изъ московскаго приказа (помѣстье)—владѣть въ вотчину. „а помѣстьями и маетностями не писать“. Такимъ образомъ для смоленскаго дворянства разница между помѣстьемъ и вотчиной была уничтожена въ законѣ на тринадцать лѣтъ раньше, чѣмъ для остальнаго русскаго дворянства²⁾.

Таковы были особенности въ землевладѣніи шляхты, присоединенной къ Москвѣ послѣ войны за Малороссію. Ей были даны два преимущества сравнительно съ прочимъ русскимъ служилымъ сословіемъ: во-первыхъ ей предоставлено было преимущественное право на владѣніе землею въ смоленской области; во-вторыхъ ея владѣнія ранѣе получили юридическое значеніе полной частной собственности. Вообще съ юридической стороны, въ отношеніи правъ на владѣемую землю, шляхта, перемѣнивъ подданство, не могла почувствовать сильныхъ перемѣнъ. Но зато она почувствовала московскіе экономическіе порядки. Въ этомъ отношеніи она не имѣла никакихъ преимуществъ предъ прочими землевладѣльцами московскаго государства. Въ Польшѣ шляхетская земля платила гораздо меньше и не была отягощена такими стѣсненіями, какъ въ Россіи. Внеся „подымное“, польскій помѣщикъ не зналъ уже никакихъ иныхъ сборовъ. Такъ по крайней мѣрѣ рисовало положеніе дѣлъ въ Польшѣ русское дворянство пограничныхъ съ Польшею областей въ наказахъ депутатамъ, высланнымъ въ знаменитую екатерининскую комиссію 1767 г., въ которыхъ оно жа-

¹⁾ П. С. З. № 1478.

²⁾ П. С. З. № 1885. Мотивомъ этого закона послужило ходатайство смоленскихъ дворянъ, указывавшихъ на неудобства въ поземельномъ дѣлопроизводствѣ вслѣдствіе того, что въ жалованныхъ грамотахъ вмѣсто опредѣленнаго термина „вотчина“ употребляется неопредѣленный „маетность“. Арх. мин. юстиціи. По Смоленску, ст. 15181, л. 270.

ловалось на массовые побѣги за границу крѣпостныхъ крестьянъ, привлекаемыхъ туда именно этимъ болѣе благоприятнымъ положеніемъ земли.

Нѣсколько уже позднѣе, въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, смоленское шляхетство съ грустью вспоминало о прежнихъ вольностяхъ, которыми оно пользовалось при польскихъ короляхъ. Вольности эти, даруемыя королевскими привилеями на имѣнья, перечислены были въ челобитной, представленной Екатериной въ 1762 г. депутаціей отъ смоленскаго шляхетства, явившеюся въ Петербургъ ходатайствовать объ ихъ восстановленіи. Онѣ заключались въ томъ, что „всякій привилегированный шляхтичъ имѣлъ право въ деревняхъ своихъ приумножить и получить себѣ всякіе доходы и къ приращенію оныхъ заводить всякіе заводы и въ тѣхъ своихъ дачахъ строить корчмы, мельницы и отпускать въ портовые мѣста сельскіе продукты безъ платежа пошлинъ и всякихъ податей въ казенные сборы, кромѣ *подымныхъ*“. Между тѣмъ въ Россіи, гдѣ существовала казенная винная монополія, и цѣлый рядъ разныхъ казенныхъ сборовъ и повинностей—доходность земли была значительно понижена. „Шляхетство, продолжаетъ челобитная, всѣхъ этихъ вольностей „лишены безвинно и положенные всѣ въ казну доходы съ прочими *безъ всякой въ силу грамотъ отмыны платить*, отчего пришли въ крайнюю бѣдность и несостояніе, а колыми паче отъ набору рекрутъ“. Сенатъ, которому императрица поручила рассмотреть дѣло, отвѣтилъ депутаціи, что о подтвержденіи жалованныхъ грамотъ имъ просить „не надлежало“, такъ какъ никто ихъ не нарушалъ и служебныхъ ихъ привилегій не измѣнялъ. Что же касается до отмыны казенныхъ сборовъ и пошлинъ и разрѣшенія содержать въ имѣніяхъ корчмы, то о такихъ льготахъ въ грамотахъ, по мнѣнію Сената, совсѣмъ не упоминалось; напротивъ даже, въ грамотѣ 1682 г. при подтвержденіи правъ шляхты на маестности прямо говорилось: „а доходы имъ съ тѣхъ своихъ маестностей, назначенные въ казну ихъ царскихъ величествъ платить“. „Слѣдственно“, заключалъ Сенатъ, „за силою той грамоты и не можно имъ имѣть корчмы“. Въ послѣдній разъ вздохнули смоленскіе дворяне о золотомъ вѣкѣ польскихъ вольностей въ комисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія—но также безрезультатно ¹⁾).

¹⁾ Арх. мин. юст. Дѣла Сен. 3.290, л. 291; наказъ смоленскаго дворянства Сборникъ, т. XIV, стр. 417.

III.

Въ утратѣ различныхъ экономическихъ преимуществъ и выгодъ Сенатъ утѣшалъ смоленскихъ дворянъ тѣмъ, что за ними сохранены ихъ преимущества служебныя. Посмотримъ, теперь, въ чемъ состояли эти послѣднія. „Смоленское шляхетство“ какъ мы уже видѣли, образовалось изъ нѣсколькихъ шляхетствъ, прежде составлявшихъ отдѣльныя уѣздныя корпораціи. Кромѣ „природныхъ“ фамилій, то-есть тѣхъ, которыя принадлежали къ нему еще при польскихъ короляхъ, послѣ завоеванія въ него попадали новые, посторонніе элементы. Въ ХVІІ вѣкѣ приобрѣтали себѣ въ смоленской области земли великороссійскіе служилые люди ¹⁾. Правительство запретило эти приобрѣтенія, но тѣмъ не менѣе чуждые элементы проникали въ смоленское дворянство. Въ 1748 г. Сенатъ распорядился выключить изъ него всѣхъ тѣхъ „изъ великороссійскаго народа“, которые „о бытіи въ томъ шляхетствѣ никакихъ грамотъ и привилегій не имѣютъ“ и включены были туда безъ указовъ ²⁾. Включеніе это производилось не иначе, какъ Сенатомъ, который требовалъ при этомъ доказательствъ о принадлежности предковъ къ смоленскому шляхетству. Однако въ ХVІІІ вѣкѣ были случаи зачисленія въ него нѣсколькихъ выходцевъ изъ за польскаго рубежа, предки которыхъ неимѣли къ нему никакого отношенія ³⁾. Численный составъ этого дворянства въ началѣ ХVІІІ вѣка нѣсколько превышалъ 1.000, а въ половинѣ этого вѣка въ немъ насчитывалось уже около 2.700 лицъ мужскаго пола. Разумѣется, цифры эти далеко не совпадаютъ съ дѣйствительностью. На невозможность привести въ извѣстность его точную цифру указывается каждый разъ при составленіи его списка ⁴⁾.

Какъ и прочее служилое сословіе, смоленское шляхетство несло

¹⁾ Дѣл. Сен. 1.341, л. 379: „да со 196 г. (1687) московскіе жители, которые испомѣщены въ Смоленскомъ, въ Бѣльскомъ и въ Дорогобужскомъ уѣздахъ и служатъ смоленскою шляхтою“.

²⁾ Дѣл. Сен. 2.816, д. № 10.

³⁾ Дѣл. Сен. 1.840, № 44; 1.841, №№ 16, 31; 2.816, № 29.

⁴⁾ Вотъ цифры этихъ списковъ:

1676 г.	365 человекъ.	1722 г.	1.178 человекъ.
1698 „	951 „	1744 „	1.487 „
1701 „	1.142 „	1754—6.	2.700 „

Дѣла Сен. 1.341 и 1.342.

военную службу. Но въ то время какъ созданіе регулярной арміи разбило прежнія территориальныя военныя единицы, уѣздныя полки, по которымъ группировалось русское дворянство и въ которыхъ оно выходило на службу—смоленское шляхетство сохранило эту особенность стариннаго служилого строя до второй половины прошлаго вѣка. Между тѣмъ какъ со времени учрежденія регулярной арміи въ ея различныя полки попадали дворяне совершенно различныхъ мѣстностей, смоленское шляхетство составляло свой особый конный полкъ, „Полкъ смоленской шляхты“, какъ онъ офиціально назывался, въ которомъ и выходило на службу. Это право служить въ своемъ полку рассматривалось, какъ привилегія, дарованная жалованными грамотами: „смоленская шляхта снабдѣна милостивѣйшими жалованными грамотами и учреждена та смоленская шляхта въ службѣ по древнему обычаю, какъ здравле служила“¹⁾). Этимъ древнимъ обычаемъ смоленская шляхта очень дорожила въ XVIII вѣкѣ. Но служить именно въ этомъ полку не было для смоленскихъ дворянъ обязательнымъ: имъ не воспрещалось поступать и въ иные полки; однако не у многихъ могло явиться такое желаніе въ виду тѣхъ преимуществъ, какими отличалась служба въ этомъ²⁾).

По своему составу полкъ смоленской шляхты былъ чисто дворянскимъ: въ немъ всѣ, отъ командира до послѣдняго рядоваго „были дворяне. По своему внѣшнему виду, среди однообразно обмундированныхъ и вооруженныхъ регулярныхъ полковъ XVIII вѣка, это должна была быть довольно пестрая толпа, какими и бывали старинныя русскія дворянскія отряды. Подъ „бѣлое государево знамя“, пожалованное полку, являлись изъ своихъ мѣстностей смоленскіе дворяне въ различныхъ костюмахъ, съ преобладаніемъ, однако, польскаго и съ разнообразнымъ оружіемъ, „къ какому кто избыкъ“. Полкъ дѣлился на семь ротъ съ очень неравнымъ численнымъ составомъ, каждая подъ командою ротмистра, при которомъ состояли еще поручикъ и хорунжій. Первоначально число ротъ въ полку было пять. Шестую и седьмую составили бѣльская и рославская шляхты, которымъ было повелѣно „писаться смоленскою“³⁾); по связъ этихъ ротъ съ мѣстными уѣздными дворянствами скоро исчезла: бѣльская и рославская шляхты вполнѣ слились съ общою массой смоленскаго

¹⁾ Дѣл. Сен. кн. 1341, л. 30.

²⁾ П. С. З. № 4958.

³⁾ Дѣл. Сен. кн. 1341.

дворянства и всякій шляхтичъ могъ записываться въ любую роту и переходить по доброй волѣ изъ одной въ другую. Рядовая шляхта каждой роты дѣлилась на четыре статьи „по природѣ“, то-есть по знатности фамилій.

Во главѣ полка стоялъ въ XVII вѣкѣ полковникъ, въ XVIII — генералъ, назначаемый именнымъ Высочайшимъ указомъ изъ среды смоленскаго же дворянства, которое не разъ вспоминало съ гордостью, что его командиравъ во время походовъ подчинялись иногда командиры регулярныхъ полковъ, желая этимъ указать на высокое положеніе своего начальника въ русской арміи. Ближайшимъ помощникомъ генерала командующаго шляхтой былъ командиръ первой роты, носившій званіе „генеральнаго поручика“. Онъ замѣнялъ генерала въ случаѣ его болѣзни или отсутствія. Подъ его начальствомъ находилась полковая канцелярія, такъ называемая „Канцелярія генеральнаго правленія смоленской шляхты“. Изъ генеральныхъ поручиковъ обыкновенно и назначались въ командиры надъ смоленской шляхтой.

Хорунжій, поручикъ, ротмистръ, генеральный поручикъ и генераль-майоръ, командующій полкомъ, такова была іерархія смоленской шляхты. Но кромѣ состава офицеровъ, дѣйствительно командовавшихъ частями, при полкѣ всегда состояло нѣкоторое количество такъ называемыхъ „заполочныхъ“ (то-есть ходившихъ „за полкомъ“) офицеровъ, среди которыхъ встрѣчаются чины подполковниковъ и полковниковъ. Въ производствѣ во все эти чины были нѣкоторыя особенности сравнительно съ обыкновеннымъ порядкомъ, дѣйствовавшимъ въ регулярныхъ полкахъ. Въ немъ соединялись два начала: назначеніе и выборъ. Въ чины возводилъ Сенатъ, но изъ кандидатовъ, избранныхъ самимъ шляхетствомъ. Въ 1783 году командиръ полка генералъ Потемкинъ былъ оштрафованъ на 50 рублей за самовольное производство офицеровъ безъ указа Сената, и ему было строго внушено, чтобы впредь „такъ собою безъ указа чинить не дерзалъ“¹⁾. Кандидаты, представленные въ генеральные поручики, утверждались Высочайшимъ указомъ. Командиры шляхты уже не избирались, а прямо назначались верховной властью, но такъ какъ командирами дѣлались обыкновенно прежніе генеральные поручики, то, слѣдовательно, и эта должность имѣла выборный характеръ. Шляхетскіе выборы отличались полною неопредѣленностью. Требовалось только, чтобы представляемому кандидату былъ данъ аттестатъ, подписанный

¹⁾ Дѣл. Сен. 1340.

шляхетствомъ, притомъ не только офицерами, но и рядовыми. Въ аттестатѣ обозначались заслуги предлагаемаго кандидата, перечислились тѣ походы, въ которыхъ онъ участвовалъ, и подвиги, которые онъ совершилъ, и въ заключеніе говорилось, что шляхетство удостоиваетъ его къ назначенію въ такой-то чинъ. Какого нибудь опредѣленнаго числа подписей на аттестатѣ не требовалось. Однако въ 1752 году Сенатъ отказалъ нѣкому шляхтичу Верховскому въ пожалованіи ему чина поручика вслѣдствіе того, что подъ его аттестатомъ подписалось всего только 9 человекъ, и сдѣлалъ общее распоряженіе, чтобы представлялись только такіе кандидаты, подъ аттестатами которыхъ подпишется „знатное число“, притомъ первенствующихъ начальныхъ людей и рядоваго фамильнаго шляхетства ¹⁾). Кромѣ такого „удостоинства“ отъ шляхетства для производства были необходимы еще два условія: знатность рода и богатство. Эти условія не требовались закономъ, но ихъ создавалъ обычай. Когда Сенатъ въ 1726 году справился у шляхетства, какія у него существуютъ основанія для „произведенія въ чины“, то „начальные и чиновные люди смоленской шляхты“ отвѣтили, что у нихъ „о произвожденіи въ чины правъ никакихъ не имѣется, а... токмо де какъ прежде сего по *фамиліямъ* и *состоянію* производились, такъ и понынѣ производятся, а не по старшинству и заслугамъ“. Въ своей практикѣ Сенатъ и руководился стариннымъ обычаемъ, предписывая представлять кандидатовъ „по фамиліи достойныхъ, состоянія добраго“ и, хотя и присоединялъ требованіе, чтобы были указымаемы и личныя заслуги кандидата, но это требованіе не исполнялось, и личныя заслуги отходили на второй планъ передъ происхожденіемъ и богатствомъ. Естественно, что на практикѣ при условіи подачи аттестатовъ подѣписи могли быть собраны только тѣми, кто располагалъ силою и вліяніемъ среди шляхетства; поэтому и въ чины могли понадать только люди богатые и знатные. Этимъ выборнымъ началомъ обуславливался аристократическій и даже олигархическій характеръ полковой іерархіи: въ высшіе чины возводились постоянно люди однихъ и тѣхъ же немногихъ знатныхъ фамилій: Швыковскіе, Корсаки, Потемкины, Вонлярлярскіе, князья Друцкіе-Соколинскіе.

Другою особенностью чинопроизводства въ полку смоленской шляхты было отсутствіе въ послѣдовательности при прохожденіи чиновъ. Знатный шляхтичъ жаловался иногда прямо изъ рядовыхъ въ полковники.

¹⁾ Дѣл. Сен. 1342, л. III.

Все это дѣлало эту полковую іерархію несозвѣрною съ іерархіей регулярной арміи, а вопросы о созвѣрности возникали всякій разъ, когда офицеръ полка переходилъ въ какую нибудь регулярную часть. Въ 1744 году подполковникъ смоленской шляхты князь Друцкой-Соколинскій просилъ о переводѣ его съ тѣмъ же чиномъ въ смоленскій гарнизонъ. Сенатъ отвѣтилъ отказомъ, объяснивъ, что „онѣ съ регулярными войсками не считаются и въ чины въ той смоленской шляхтѣ производятся не по старшинству, но по фамиліямъ и состоянію“, попадая притомъ иногда изъ рядовыхъ въ полковники. Черезъ шесть лѣтъ вопреки этому приговору, что случалось тогда нерѣдко, Сенатъ указалъ военной коллегіи выдать офицерамъ смоленской шляхты обыкновенные патенты на ихъ чины, но коллегія *отказалась* исполнить этотъ указъ и донесла, что она „о дачѣ смоленскому шляхетству на чины патентовъ не безъ сумнѣнія находится и вносить ихъ къ Высочайшему подписанію имѣетъ опасность, ибо оное шляхетство въ оберъ- и штабъ-офицеры производятся не такъ какъ регулярные по старшинству и по линіи, но черезъ многіе чины и не по порядку, но и по однимъ аттестатамъ“.

Параллельно съ полковыми чинами въ смоленской шляхтѣ до половины XVIII вѣка еще существовали старинные московскіе чины: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы. Эти чины были жалуемы смоленскому дворянству, какъ почетныя званія и не имѣли никакого отношенія къ полковой іерархіи. Большинство офицеровъ полка носило, впрочемъ, обыкновенно званіе стольниковъ, но бывали случаи пожалованія этимъ званіемъ и рядовыхъ, которые все-таки и оставались рядовыми. Чины стряпчихъ и жильцовъ носили обыкновенно рядовые. Въ послѣдовательныхъ по времени спискахъ полка эти московскіе чины, вымирая, мелькаютъ все рѣже и рѣже. Такъ по списку 1701 года *въ первой ротѣ* полка считалось среди рядовыхъ 23 стольника, 11 стряпчихъ, 7 московскихъ дворянъ и 11 жильцовъ; по списку 1744 года уже *во всемъ полку* оставалось въ живыхъ только 6 стольниковъ и одинъ стряпчій.

Для высшаго управленія шляхетствомъ, какъ и всею смоленскою областью, заведенъ былъ въ Москвѣ особый Приказъ княжества смоленскаго, подчиненный сначала стрѣльцкому, а потомъ посольскому приказамъ. Въ XVIII в. высшее управленіе смоленскою шляхтой по служебнымъ дѣламъ было передано въ Сенатъ, а по поземельнымъ— въ обыкновенномъ порядкѣ въ вотчинную коллегію. Сенатъ впоследствии и самъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ къ нему въ руки попало

завѣдываніе шляхтой и втеченіе первой половины XVIII вѣка не разъ поручалъ иностранной коллегіи справиться, когда и какимъ образомъ смоленское шляхетство изъ посольскаго приказа очутилось въ вѣдомствѣ Сената; но коллегія неизмѣнно отвѣчала одними и тѣми же выраженіями, что прежде смоленская шляхта состояла въ вѣдѣніи смоленскаго приказа, подчиненнаго посольскому, но со времени учрежденія губерній всѣ документы этого смоленскаго приказа были отправлены въ Смоленскъ и поэтому „такого требуемаго извѣстія подать немочно“. Такъ этотъ историческій вопросъ и остался для Сената нерѣшеннымъ, хотя для Сената онъ имѣлъ практическое значеніе. Въ сенатскомъ архивѣ не хранилось никакихъ документовъ, относящихся къ этому шляхетству ранѣе XVIII вѣка; не были совершенно извѣстны ни дарованныя ему правительствомъ права, ни древніе обычаи, которыми оно руководилось. Поэтому, когда возникали затрудненія по разнымъ дѣламъ, касавшимся шляхты, Сенатъ часто не зналъ, чего держаться и на чемъ основывать свои рѣшенія, сплошь и рядомъ сегодня отмѣняя рѣшенное вчера и мало того, дѣлая даже прямо противоположное вчерашнему постановленіе. Такъ, въ 1746 году полковники смоленской шляхты подали доношеніе о томъ, что генеральному поручику не слѣдуетъ замѣнять командира полка въ отсутствіи, такъ какъ онъ не болѣе, какъ ротный командиръ первой роты. Сенатъ согласился, что не слѣдуетъ, и приговорилъ отрѣшнить отъ правленія полкомъ генеральнаго поручика Станкевича и передать правленіе на время болѣзни командира генерала Лярскаго старшему изъ полковниковъ. Но когда генералъ Лярскій съ своей стороны „на изобличеніе неправды“ этихъ полковниковъ донесъ, что порученіе команды генеральному поручику было правильно „по обыкновенію и по правамъ издревле шляхетскимъ“, такъ какъ генеральный поручикъ всегда бывалъ въ полку послѣ генерала первымъ, при чемъ ссылался на авторитетъ бывшаго командира шляхты генерала Потемкина, „яко извѣстнаго древнихъ обрядовъ по старости свсей“ и заявилъ, что и впредь слѣдуетъ замѣщать генерала генеральному поручику, а не полковникамъ, то и Сенатъ постановилъ, что слѣдуетъ, и отмѣнилъ предыдущее свое распоряженіе. Мы уже видѣли ранѣе случай, когда Сенатъ, только что объявившій въ своемъ приговорѣ, что чины въ полку смоленской шляхты съ чинами регулярныхъ полковъ несравнимы, черезъ нѣсколько времени предписываетъ военной коллегіи выдать офицерамъ смоленской шляхты обыкновенные патенты на чины.

Съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка между смоленскою шляхтою и Сенатомъ въдвигается смоленская губернская канцелярія, до тѣхъ поръ не принимавшая въ дѣлахъ шляхты виднаго участія. Въ военномъ отношеніи полкъ смоленской шляхты еще въ XVII вѣкѣ подчинялся смоленскимъ воеводамъ, имѣвшимъ важное военное значеніе вслѣдствіе пограничнаго положенія области. Съ начала Сѣверной войны это военное значеніе смоленскаго воеводы, а затѣмъ губернатора, еще болѣе возрастаетъ и полкъ подчиняется смоленскому губернатору Салтыкову, какъ командиру корпуса, въ составъ котораго онъ входитъ. Но губернская канцелярія имѣла для шляхты значеніе только судебного трибунала, гдѣ оно судилось по обыкновеннымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, и финансоваго присутственнаго мѣста, куда оно платило подати. Съ 40-хъ годовъ эта канцелярія все болѣе расширяетъ свою власть надъ шляхетствомъ. Въ 1743 года за отъѣздомъ въ Москву генерала и генеральнаго поручика, привлеченныхъ къ допросу, губернской канцелярія предписывается Сенатомъ временно вѣдать смоленское шляхетство. Изъ временной власти постепенно развивалась постоянная къ величайшему неудовольствію командировъ шляхты, съ выраженіемъ котораго летѣли отъ нихъ доношенія въ Сенатъ. Губернская канцелярія выдала одному изъ шляхтичей паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, не считая нужнымъ увѣдомлять о томъ его непосредственное начальство, и командиръ раздраженно доноситъ, что „ежели смоленской губернской канцелярія впредь вступать безъ письменнаго сношенія въ ихъ команду, то имъ имѣетъ быть не безъ обиды“. Въ другомъ доношеніи тотъ же генералъ Лярскій жаловался Сенату, что онъ „безъ малѣйшей своей вины состоитъ въ немалой обидѣ“, такъ какъ губернская канцелярія присвоила себѣ исключительную власть надъ шляхтичами, стоящими на пограничныхъ форпостахъ, да еще отдала ихъ подъ команду какому-то полковнику драгунскаго полка. Особенно же раздражало его то, что губернская канцелярія начала сноситься съ нимъ „указами“, то есть какъ учрежденіе высшее съ низшимъ, оставивъ прежнюю, свидѣтельствующую о равенствѣ, форму переписки „сношеніями“. Въ 1745 году депутаты отъ шляхетства просили въ числѣ прочихъ льготъ и милостей о непосредственномъ подчиненіи его Сенату, помимо губернской канцелярії, какъ это и было прежде. Судьба этого ходатайства неизвѣстна. Извѣстно только, что на практикѣ оно не получило осуществленія. Мало того, что губернская канцелярія все болѣе интересовалась дѣлами шляхетства и все менѣе считала нуж-

нимъ хотя бы только увѣдомлять командира о принятыхъ ею распоряженіяхъ, его касающихся — отдѣльные лица изъ шляхетства сами начинаютъ высказывать изъ рукъ командира, и число такихъ все увеличивается. Въ Сенатъ поступаютъ одна за другой челобитныя разныхъ шляхтичей о томъ, чтобы имъ подъ вѣдѣніемъ командира смоленской шляхты не быть „за немалою его къ нимъ злобою“, а состоять въ вѣдомствѣ смоленской губернской канцеляріи. Сенатъ благодушно соглашался на эти просьбы. По свидѣтельству смоленскаго губернатора въ 1756 году такихъ изыятыхъ изъ подъ команды генерала смоленской шляхты было „уже немалое число“. По его же заявленію, эти шляхтичи, хотя и показываютъ въ своихъ челобитныхъ, что имъ подъ начальствомъ этого генерала быть невозможно вслѣдствіе ссоръ съ нимъ, но это дѣлаютъ они по однимъ своимъ прихотямъ безъ всякихъ серьезныхъ основаній, отчего происходятъ только излишнее затрудненіе и упадокъ дисциплины и пользуясь этимъ многіе шляхтичи благополучно скрываются отъ службы.

Служба, которую несло смоленское дворянство, въ половинѣ XVIII вѣка, *не считалась уже обязательной*. Такъ смотрѣла на нее по крайней мѣрѣ коммиссія 1762 года, рѣшившая вопросъ о шляхетствѣ: „имѣютъ вольность служить или не служить по своему соизволенію“¹⁾. Последній командиръ шляхты генералъ Лыкошинъ также доносилъ, что „обряды между ими таковы, что командиры безъ прошенія въ службу не записывали“²⁾. Эта свобода отъ обязательной службы установилась не ранѣе XVIII вѣка, — въ XVII ея незамѣтно, — и не въ силу какого либо закона, на что нѣтъ ни малѣйшаго намека, а возникла прямо благодаря практикѣ, такъ какъ начальство фактически не имѣло силы заставить служить того, кто не хотѣлъ и укрывался. Эта практика къ половинѣ XVIII вѣка дѣлается уже *обычнымъ правомъ и отличіемъ смоленскаго дворянства отъ прочаго русскаго*. Такимъ образомъ, подобно тому какъ въ землевладѣніи смоленское дворянство опередило остальное русское въ признаніи своихъ имѣній во вѣщинами, такъ и въ отношеніи службы оно ранѣе общаго закона получило право служить или не служить по доброй волѣ. Однако эта свобода касалась только начатія службы, а не прекращенія ея. Разъ всту-

¹⁾ Эта же коммиссія замѣтила, что смоленскимъ дворянамъ оставляется „прежняя, а нинѣ (послѣ 18 февраля 1762 г.) со всѣми россійскими дворянами вольность служить или не служить.“ Объ этой коммиссіи см. ниже.

²⁾ Дѣла Сен. 3290, л. 17.

нивѣ на службу, нельзя было уйти съ нея по желанію: необходимо было выхлопотать отставку, представивъ одно изъ тѣхъ основаній, на которыхъ она вообще давалась въ XVIII вѣкѣ, то-есть старость или болѣзнь.

Несмотря на добровольность, эта служба была не изъ легкихъ. Шляхетство не получало никакого жалованья и содержалось исключительно со своихъ земель; но условія землевладѣнія въ этомъ краѣ, какъ увидимъ ниже, были весьма печальны¹⁾. Въ XVII и началѣ XVIII вѣка оно служило подобно всѣмъ стариннымъ московскимъ дворянскимъ полкамъ: собиралось на службу весною, лѣто проводило въ строю, а съ наступленіемъ сентября уже разъѣзжалось по своимъ деревнямъ. Оно участвовало во всѣхъ войнахъ конца XVII вѣка и съ гордостью вспоминало о своихъ подвигахъ подъ Чигириномъ, въ Крымскихъ и Азовскихъ походахъ, а на похвальную грамоту, данную ему Петромъ за Нарвскій походъ, оно всегда ссылалось наряду съ жалованными грамотами о вольностяхъ. Къ XVIII вѣку на это дворянство выпала гораздо менѣ почетная, но не менѣ тяжелая служба—содержаніе карауловъ на форпостахъ, устроенныхъ по польской границѣ. Для отбыванія этой службы шляхта должна была раздѣлиться на нѣсколько частей, чтобы соблюдать очередь, но на практикѣ такой очереди не соблюдалось. Всякій, кто имѣлъ какія-нибудь средства и связи, находилъ всегда способъ избавиться отъ этой повинности, вся тяжесть которой сваливалась такимъ образомъ на немущихъ собратьевъ, „мизерную“ шляхту по выраженію одного изъ командировъ. По донесеніямъ равныхъ военныхъ чиновъ, производившихъ обзоры этихъ форпостовъ, они представляли изъ себя печальную картину; назначенные на нихъ шляхтичи постоянно отлучались съ караула: одни разбѣгались по домамъ, не смотря на неоднократныя угрозы Сената, предписывавшаго ихъ штрафовать и возвращать на караулъ подъ карауломъ, другіе—расходились по сосѣднимъ деревнямъ *сбирать милостыню себѣ на пропитаніе*, такъ какъ иначе, не получая ни жалованья, ни провіанта, они рисковали умереть съ голоду²⁾. Понятно, почему шляхта такъ тяготилась этою службой и неумолчно ходатайствовала объ освобожденіи. Однако эти ходатайства были безуспѣшны.

¹⁾ Д. Сен. 1840. д. 8: „содержатся оныя своимъ коштомъ, а изъ казны на нихъ расходу не бываетъ“. Л. 489: „служба оныхъ безжалованная, но съ отчистъ чхъ“. Только если шляхту задерживали въ строю и на зиму—тогда она получала денежное жалованье.

²⁾ Д. Сен. 1842. л. 425, донесеніе А. Шувалова.

IV.

Впрочемъ, въ XVIII вѣкѣ шляхетскій полкъ ни на какую другую службу и не былъ пригоденъ. Сохраняя такъ долго всѣ черты старинной служилой организаціи, онъ былъ въ XVIII вѣкѣ анахронизмомъ, археологическимъ остаткомъ, и не могъ, конечно, сохранить прочность и не растаять въ новой средѣ рядомъ съ войсками регулярнаго строя, бивавшими армію самого Фридриха Великаго. Исторія полка смоленской шляхты за XVIII столѣтіе есть только исторія его разложенія. Главною причиною этого разложенія былъ, конечно, аристократическій строй полка. Нельзя было и думать о поддержаніи какой-нибудь дисциплины, когда каждый рядовой шляхтичъ, проходя изъ такой же благородной фамиліи, склоненъ былъ держать себя совершенно на равной ногѣ съ офицеромъ, а всякій начальникъ долженъ былъ беречь въ своемъ подчиненномъ лишнюю подпись на аттестатѣ для выбора въ слѣдующій чинъ. Шляхетская гордость была очень чувствительна, и задѣтъ ее — значило вызвать на себя челобитие обиженнаго въ Сенатъ, которое могло все-таки надѣлать хлопотъ, даже если и не сопровождалось особенно неприятными послѣдствіями; а шляхтичи любили жаловаться въ Сенатъ и обращались туда по всякимъ мелочамъ. Въ 1741 году нѣкто Коховскій жаловался сенату на генерала Лярскаго „въ называніи его ругаючись вымысломъ своимъ въ ордерахъ и письмѣ Кузовскимъ, а не Коховскимъ“, чѣмъ, какъ доказывалъ челобитчикъ, „честь фамиліи нашей, Коховскихъ, онъ, Лярской, поноситъ“. Правда, съ „мизерною“ шляхтой командиры иногда не церемонились и собственноручно учили ее дисциплинѣ. Въ 1742 году шляхтичъ Прежевскій доносилъ Сенату, что онъ не могъ исполнить одного порученія, даннаго ему генераломъ Лярскимъ, за что тотъ „сталъ меня бранить и ругать и приказалъ въ Смоленскѣ въ домѣ своемъ взять подъ караулъ и заковать въ желѣзы, въ которыхъ оковахъ въ самую полночь велѣлъ людямъ своимъ Алексѣю да Кузьмѣ меня привести къ себѣ въ хоромы и началъ меня прежде онъ, генералъ Лярскій, самъ бить по щекамъ и, за волосы таская, ногами въ голову и въ лицо топтать, а потомъ и дубиною бить меня нещадно, и какъ онъ, генералъ, бия меня обезсилѣлъ, то приказалъ помянутымъ людямъ своимъ бить дубинами, которые бивъ меня тиранско, вытащили въ безпамятствѣ въ черную избу . . . отъ которыхъ его генеральскихъ немилостивыхъ безвинныхъ побоевъ былъ весьма при смерти

и распухъ весь“¹⁾). Но и „мизерные“ шляхтичи, какъ видно изъ челобитной этого Прежевскаго, „не оставляли обиды“ и также обращались въ Сенатъ, приправляя жалобы всякаго рода клеветами. По этимъ жалобамъ Сенатъ предписывалъ производить слѣдствіе въ губернской канцеляріи, отношенія съ которой у командировъ были не всегда гладки. Притомъ даже и такое плохое средство имѣлось у командира только для внушенія страха мелкой шляхтѣ; съ крупною онъ долженъ былъ обходиться совсѣмъ иначе. Вся шляхта была переплетена связями родства и знакомства: взыскать строго съ одного, значило обидѣть многихъ, съ которыми подвергшійся взысканію былъ связанъ, и такимъ образомъ возбудить противъ себя злобу цѣлой партіи. Однимъ командиръ долженъ былъ мирволить, какъ своимъ собственнымъ друзьямъ, родственникамъ и избирателямъ; другимъ—изъ боязни раздражить враговъ, а смоленскіе дворяне не жили дружно. Дѣла Сената о смоленской шляхтѣ вскрываютъ всѣ тѣ раздоры, которые постоянно волновали шляхту, всю ту борьбу мелкихъ разгорѣвшихся страстей, интригъ, клеветъ, сплетень и доносовъ, которая и должна была происходить въ небольшой корпораціи, еще не слившейся съ массою русскаго дворянства, замкнутой въ тѣсную сферу мелкихъ интересовъ и, быть можетъ, не утратившей еще того одушевленія и страсти, для которыхъ она имѣла болѣе широкій просторъ, когда входила въ составъ польскаго королевства. Въ XVIII вѣкѣ смоленское дворянство существовало какъ особая корпорація, обладающая особыми правами, продолжало себя чувствовать тѣмъ-то отдѣльнымъ отъ остальнаго русскаго дворянства и поэтому не теряло нѣкоторыхъ, приобрѣтенныхъ при иныхъ обстоятельствахъ чертъ характера, для проявленія которыхъ не было мѣста при тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ какія оно пошло. Благодаря новымъ условіямъ, и черты эти выраждались, проявляясь на болѣе узкой аренѣ: то, что было прежде политическими страстями, то стало теперь мелкими полковыми дрязгами, и если прежде шляхетство раскалывалось на партіи по вопросу о выборѣ королей, то теперь ему приходилось расходовать тотъ же запасъ страстности исключительно на вопросы о назначеніи того или иного командира или генеральнаго поручика и т. п. Все это дѣлало полкъ смоленской шляхты сильно непохожимъ на другіе полки русской арміи. Каждый изъ послѣднихъ всегда имѣлъ характеръ военнаго братства, а смоленское шляхетство скорѣе напоминало мелкую греческую

¹⁾ Д. Сеп. 1340. л. 200.

республику, раздраемую партіями, командовать которою было нельзя, не обладая свойствами тирана, а быть тираномъ не всегда было возможно изъ опасенія быть свергнутымъ. Въ 1742 году 48 человекъ шляхты подали въ Сенатъ челобитную, въ которой просили отрѣшиться отъ должности своихъ начальниковъ—генерала Потемкина и генеральнаго поручика Лярскаго, которые, какъ жаловались эти челобитчики, „не имѣя никакого респекту“, ихъ, шляхту, „ругаютъ и бьютъ“—и на ихъ мѣсто опредѣляютъ другихъ представленныхъ челобитчиками командировъ. Генералъ Потемкинъ сильно струхнулъ. Съ своей стороны, онъ объяснялъ Сенату, что это прошеніе составилъ на него по злобѣ Иванъ Корсакъ, „приглася къ себѣ ближнихъ своихъ свойственниковъ отставныхъ трехъ полковниковъ и просилъ свойственниковъ и родственныхъ своихъ“ изъ смоленской шляхты; жаловался, что они его „безъ малѣйшей вины въ заслуженномъ рангѣ, которымъ онъ пожалованъ именными указами, самовольно отрѣшаютъ“ и доказывалъ, что отрѣшать командировъ безъ указа никогда никто „не дерзалъ“. Потемкинъ такъ и умеръ во время этихъ дразгъ, но враждебная партія не прекратила своихъ нападокъ на новаго командира—Лярскаго, и это было для него тѣмъ болѣе неудобно, что ему приходилось какъ разъ собирать подписи для челобитной въ Сенатъ о назначеніи его командиромъ шляхты. Врагами перехвачена была его переписка съ сыномъ и шуриномъ и представлена въ Сенатъ съ новою жалобой, что Лярскій въ этихъ письмахъ, забывъ страхъ Божій, злоумышленно по своей яростной злобѣ „лишая ихъ жалованной за службы Ея Императорскаго Величества чести и повреждая ихъ фамиліи, примѣняетъ къ нимъ всякій немотребный скоть и, виѣняя ихъ къ нечестивому духу, приписываетъ ихъ къ противной партіи; да и полку смоленскаго шляхетства желаетъ гибели; и тѣми злоумышленными продерзостными своеручными письмами онъ, Лярскій, ихъ поноситъ и честь ихъ повреждаетъ напрасно“. Челобитчики заканчивали свое прошеніе просьбой „милосердно отъ такого его ругательства и поношенія ихъ оборонить, чтобъ имъ, будучи въ такомъ отъ него злояростномъ поношеніи и необычайной клеветѣ, не придти въ напрасную гибель; а ему, Лярскому, за такую его продерзость и за поношеніе ихъ чести учинить по указамъ“.

Перехваченныя письма были прочтены въ Сенатѣ: они хорошо рисуютъ всѣ эти дразги среди смоленскаго шляхетства. „Мой сердечный Иосифушка“, писалъ Лярскій сыну, „благословеніе мое родительское препосылаю, здравіе твое поспѣваю, а о нашемъ извѣстную, что, по

милости Божеской, доселѣ еще живы состоимъ, но отъ противныхъ партій въ разныхъ гоненіяхъ и устрашеніяхъ предъ посторонними оглашаемы есмы. Хотя того каналія Потемкина (одного изъ полковниковъ враждебной партіи) еще въ сторону здѣшнюю и не было, только того жъ хору дѣвольскія дѣти адскую свою дорогу изъясняютъ въ слухъ людямъ“. Что касается до совѣтовъ поступать съ шляхтою „посредственно“, то „ко всякому имѣлъ снисхожденіе и чинилъ довольство и черезъ звычай, какъ Корсаку, хрому дѣволу, такъ и другимъ недостойнымъ благодѣянія, какъ и тому Момсу и другому отъ собакъ неублюдку, котораго опредѣлилъ въ наилучшій форноость, а они таки свой собачій обычай, какъ ведутъ, такъ и ведутъ; хотя бы оныхъ балзаомомъ помазывалъ, а они другою вонеею и псиною смердятъ по своей натурѣ“. Лярскій даетъ порученіе сыну ходатайствовать въ Сенатѣ о разрѣшеніи ему самому прибыть въ Москву „ради оправданія, что заочно обрехиваютъ оныя собаки, чтобъ та уже командишка отъ меня не пропала.... А тому Момсу скажи, что я имѣю своихъ кровавыхъ собакъ, лучшихъ вѣрностію его, собаки, и совѣстію и всякою удалостию“. Въ письмѣ къ шурина онъ сообщаетъ, что дѣло съ заручною челобитною двигается медленно, подписей „въ скорости не могъ собрать, ибо не въ одномъ мѣстѣ люди состоятъ, а паче тотъ старый обманщикъ Броневскій провелъ“, но, впрочемъ, надѣется на благопріятный для себя исходъ дѣла, „а хотя оный Момсъ брешеть и солнцу ясному, солнце будетъ солнцемъ, а Момсъ момсомъ по старому“.

Приглашенный объяснить непонятныя для Сената метафоры письма, Лярскій показалъ, что въ письмѣ къ сыну своему онъ писалъ о противной партіи, что „нѣкоторая собравшаяся часть смоленской шляхты противниковъ и ослушниковъ ему, Лярскому, яко своему командиру находятся... И отъ оной партіи онъ нездѣ оглашаемъ былъ, якобы онъ отъ команды низвергнуть“. Подъ „гоненіемъ“ себѣ отъ нихъ подразумѣвалъ, что они похвалялись, что-де, конечно, его, Лярскаго, низвергнуть и послѣ-де того ему и дѣтямъ его поругаются. „Потемкинъ, котораго онъ каналъю написалъ—нынѣ при той шляхтѣ состоитъ полковникомъ — Федоровъ... не токмо самъ... посланнымъ отъ него, Лярскаго, ордерамъ учинился ослушнымъ и на форноость, куда онъ былъ опредѣленъ въ службу государеву не поѣхалъ, но еще и шляхтича Ивана Ловенецкаго, посланнаго на форноость, съ дороги возвратилъ... того ради онъ каналъю его и написалъ“. О томъ что „того жъ хору дѣвольскія дѣти адскую свою дорогу изъясняютъ

въ слухъ людямъ“, писалъ онъ въ такую силу, что „братъ означеннаго Ловенецкаго, Левъ Ловенецкій, видя его, Лярскаго, отъ него, Потемкина, уничтоживаніе, тако жъ съ форпоста отбывши и не явясъ къ своимъ командирамъ и совокупясъ съ прсчими... злословили его, Лярскаго, непристойными словами и вездѣ сказывали и твердили, что уже, конечно, ему генераломъ-майоромъ и командиромъ надъ шляхтою смоленскою не быть, а быть низшимъ чиномъ, и того ради оныхъ такимъ званіемъ и писалъ не стерпя злобости ихъ, и то не къ публичному произвожденію, но къ сыну своему. Корсака хромымъ дьяволомъ писалъ Ивана Богданова сына, не стерпя отъ него язвительнаго ему, Лярскому, поношенія безвинно, что онъ, Корсакъ, лукавно стакавшись съ тою жъ совокупленною противъ его, Лярскаго, частію шляхетства, будучи отставнымъ, неприлично вступилъ въ полковыя дѣла и подписался въ челобитьѣ, испровергая его, Лярскаго, изъ показаннаго чина. А Момсомъ написалъ шляхтича Андрея Котовича, котораго отецъ его, Котовичевъ, отдалъ ему на нѣсколько лѣтъ для обученія грамотѣ и прочей военной экзерциціи, и въ домѣ его, Лярскаго, прочіе служители прозвали его, Котовича, для скуднаго возраста и короткаго носа тѣмъ званіемъ. А неублютками писалъ Оловенецкаго съ Соколовскимъ для подлости родовъ ихъ и что они такіа неистовственные ему, Лярскому, обиды дѣлали“¹⁾).

Часть шляхты, расположенная къ Лярскому, подала, съ своей стороны, коллективную челобитную за подписью 128 человекъ, въ которой просила не вѣрить „неистовственному челобитію“ на Лярскаго противной партіи и оставить за нимъ команду. Сенатъ приговорилъ: генералу Лярскому надъ полкомъ смоленской шляхты команду имѣть по прежнему. Найдя, что въ нисьмахъ его „никакой важности и интересу ничего касающагося, кромѣ одной партикулярной между ими брани не явилось“, Сенатъ предоставилъ обиженнымъ вѣдаться съ нимъ, Лярскимъ, судомъ, гдѣ надлежитъ. При такихъ правахъ и отношеніяхъ о какой либо военной дисциплинѣ не могло быть, конечно, и рѣчи. Поэтому, неудивительно читать такіа жалобы командира: „офицеры и шляхетство многіе чинятся ослушны и съ форпостовъ самовольно съѣзжаютъ въ дома и въ Москву и въ другія разныя мѣста безъ отпуску и паспортовъ“. Приводить ихъ на форпосты онъ послалъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, „но оныя посланные репортами объявляютъ, что шляхетство никими мѣры имихъ выслать не-

¹⁾ Д. Сен. 1841.

возможно, понеже-де, оставя свои дома, бѣгають, невѣдомо куда, и хоронятся незнамо гдѣ; а прочіе чинятся посыльнымъ противны, бра-нять и безчестять и грозятъ ихъ бить¹⁾).

Невозможность поддерживать дисциплину приводила полкъ въ полное разстройство. Въ 50-хъ годахъ смоленскій губернаторъ князь Юбленскій, которому поручено было произвести „смотръ и разборъ“ смоленскому шляхетству, нашелъ его въ совершенномъ упадкѣ и доносилъ сенату, что „имъ усмотрѣны и примѣчены великіе непорядки и повелѣніямъ неисполненіе“. Полкъ не имѣетъ никакого „регула“. Къ смотру шляхтичи являлись неаккуратно, а многіе и совсѣмъ не явились „и гдѣ они обрѣтаются и живы-ль, или померли, не токмо о томъ главный ихъ командиръ неизвѣстенъ, но и ротные офицеры про нихъ не знаютъ“. Составъ ротъ крайне неравномѣренъ, при томъ шляхтичи переписываются изъ роты въ роту „сами собою, по прихотямъ своимъ, неспросясь ротныхъ командировъ. Иной шляхтичъ безпрестанно переходитъ изъ роты въ роту и, благодаря этому, „ни по какому ряду никакой службы не служить“. Отъ всего этого происходятъ „великіе непорядки и конфузи“, а ротные командиры ему объявили, что „въ штрафованіи рядоваго шляхетства якобы никакой власти не имѣютъ“²⁾. Изъ доношеній назначеннаго по смерти Лярскаго новаго командира смоленской шляхты генерала Лыкошина видно, въ какомъ хаотическомъ состояніи онъ засталъ полкъ въ 1762 году. Прежде всего нельзя было получить никакихъ свѣдѣній о численномъ составѣ смоленской шляхты: „въ канцеляріи генеральнаго правленія“ дѣлъ хранилось очень немного; всѣ старыя дѣла были разобраны по домамъ наследниками бывшихъ командировъ, которые, считая ихъ не болѣе какъ семейными документами, отказались ихъ выдать. Въ спискахъ числились многіе, давно уже умершіе; въ нихъ включено было также много такого люда, который не могъ представить рѣшительно никакихъ доказательствъ о принадлежности своей къ смоленскому дворянству. Многіе, считающіеся по списку служащими, „находятся самовольно въ отлучкахъ и не только въ ближнихъ мѣстахъ, но ѣздятъ и въ отдаленныя губерніи и тамъ чрезъ продолжительныя времена проживаютъ. Молодые и богатые люди, видные и здоровые и только что едва еще прислѣвшие въ службу, объявляютъ о себѣ, что они уже въ отставкѣ полковниками,

¹⁾ Д. Сен. 1341, л. 153.

²⁾ Дѣла Сен. 1842.

ротмистрами и прочими чинами. Много даже малолѣтнихъ по аттестатамъ родственниковъ имѣють чины офицерскіе и даже уже вышли въ отставку. Другіе, наоборотъ, являются самыя престарѣлыя, увѣчныя и службу нести немогущіе и при томъ самыя бѣднѣйшіе и немущіе пропитанія—и тѣхъ требуютъ на форпосты, такъ какъ они еще не въ отставкѣ¹⁾. Дѣло въ томъ, что отставка давалась Сенатомъ и, чтобы получить ее, надо было самому явиться въ ту изъ столицъ, гдѣ находился Сенатъ, а такія поѣздки не всѣмъ были по средствамъ. Лыкошинъ нашелъ далѣе много недорослей, которые „упрямствуютъ вступать на службу, потому что не хотятъ имѣть надъ собою никакой команды“; другіе не подаютъ прошеній по бѣдности. „И вообще, заканчиваетъ Лыкошинъ свое доношеніе—ни въ чемъ никакого порядка и уравненія не имѣется¹⁾).

Итакъ, бѣдность не позволяла уже многимъ изъ смоленскаго дворянства служить въ своемъ полку. Служба эта, дѣйствительно, обходилась очень дорого: не получая жалованья и принужденный содержать себя и лошадей, шляхтичъ въ то же время отрывался отъ деревенскаго хозяйства, единственнаго источника своихъ ресурсовъ, въ самое важное время—лѣтомъ. Смоленское дворянство, перейдя въ Россію, вообще замѣтно бѣднѣло. Причину этого обѣдненія оно очень ясно указало въ своемъ наказѣ въ екатериненскую комиссію 1767 г.: это былъ побѣгъ крестьянъ цѣлыми деревнями за польскую границу, гдѣ условія землевладѣнія были легче и гдѣ тягости крестьянина были меньше; вслѣдствіе этого побѣга имѣнія смоленской шляхты лишались рабочихъ рукъ и пустѣли. По разбору, произведенному въ 1756 году, общее число шляхты, находившейся въ строю полка, было 1394 лица. Изъ нихъ только 349, то-есть 25%, имѣли 20 душъ крестьянъ и выше; за остальными было менѣе этого числа или совсѣмъ ничего не было. Среди этихъ немущихъ намѣчалось нѣсколько послѣдовательно ниспускающихся ступеней, по которымъ нисходило бѣднѣющее шляхетство съ высоты своего прежняго положенія. „Хотя всѣ шляхтичи“, доносилъ губернаторъ князь Оболенскій, „желаютъ служить въ своемъ полку, но за убожествомъ ихъ не только въ платьѣ, въ ружьѣ и въ лошадяхъ какъ надлежитъ шляхтичу исправно себя содержать, но иныя изъ нихъ и пропитанія не имѣють. Да и при смотрѣ и разборѣ многіе были пьюшіе и въ лаптяхъ и въ крестьянскихъ сѣрихъ кафтаняхъ“. Такимъ образомъ многіе шляхтичи до-

¹⁾ Дѣл. Сен. 3290.

шли до положенія не выше крестьянскаго. Но это было еще хорошо; встрѣчались и такіе, что не могли являться на службу, такъ какъ по бѣдности теряли самостоятельность и должны были поступать въ услуженіе во дворы къ богатымъ. „Нѣкоторые же есть“, сообщаетъ генераль Лярскій въ 1754 году „что не точію положенныхъ за собою душъ, но и земель не имѣютъ и проживаютъ во дворахъ господскихъ для пропитанія“. Далѣе, по свидѣтельству Лыкошина, попадались иныя „самыя природныя смоленскіе шляхтичи такъ обѣднѣлые, что *работаютъ съ наймовъ* не только у своей братіи, но и у *разныхъ крестьянъ*, и тѣмъ только себя питаютъ, бродятъ въ раздраныхъ одеждахъ, аки нищія, а между ними есть люди молодые, здоровые и гораздо видныя“. Этотъ разрядъ шляхетства спустился стало быть еще ниже и перешелъ уже въ положеніе безземельныхъ батраковъ, нанмававшихся, несмотря на свое знатное происхожденіе, работать у крестьянъ. Такимъ образомъ среди шляхты получался нѣкоторый, бросавшійся въ глаза и обращавшій на себя вниманіе, осадокъ пролетаріата, на почвѣ котораго возникло даже нищенство съ прошеніемъ милостыни. Генераль Лярскій въ 1746 году доносилъ Сенату, что онъ никакъ не можетъ привести цифру шляхетства въ точную извѣстность, такъ какъ „у иныхъ имѣются въ описаніи за доимки движимое и недвижимое имѣніе безъ остатка, а оныя *шляхетство скитаются по разнымъ мѣстамъ межъ чужихъ дворъ, питаются подаченіемъ милостыни*, и сыскать оныхъ въ скорости невозможно“. Итакъ въ XVIII вѣкѣ извѣстная доля шляхетства уже совсѣмъ не могла попадать на службу, другая не могла, не имѣя средствъ къ существованію, продержаться на ней долго и разстраивала ряды полка бѣгствомъ. Дурныя экономическія условія, въ которыхъ очутилась шляхта, благодаря пограничному положенію ея области, еще болѣе разрушали ея служебную организацію и безъ того плохую.

V.

Упадокъ, въ который приходила шляхта, и дезорганизація ея службы не могли не обращать на себя вниманія и вызывали разнаго рода проекты мѣръ, направленныхъ къ противодѣйствію этому разложенію. Проекты эти исходили какъ изъ среды самаго шляхетства, такъ и отъ мѣтнаго губернскаго начальства. Въ одномъ сходились тѣ и другіе: въ необходимости собрать точныя свѣдѣнія о шляхетствѣ, опредѣлить его число, возрастъ, силы, имущественное поло-

женіе каждаго его члена и въ зависимости отъ этихъ условій его служебную годность; затѣмъ распредѣлить служебныя обязанности сообразно съ обнаруженными данными, забравъ на службу укрывающихся годныхъ и исключавъ изъ нея устарѣвшихъ и одряхлѣвшихъ, однимъ словомъ произвести шляхетству „смотри и разборъ“, такъ продолжали говорить еще въ XVIII вѣкѣ. Въ 1754 году генераль Лярскій доносилъ, что на нынѣшнемъ въ канцеляріи списокъ шляхты „утвердился сумнительно“ и жаловался, что уже втеченіе 28 лѣтъ не производилось ей ни одного разбора, между тѣмъ какъ прежде они бывали черезъ короткіе промежутки времени, именно въ 1710, 1715, 1722, 1726, 1731 годахъ. Съ разрѣшенія Сената разборъ и былъ предпринятъ лѣтомъ 1755 года смоленскимъ губернаторомъ вмѣстѣ съ генеральнымъ поручикомъ, заступавшимъ мѣсто командира и комиссіей изъ старшихъ чиновъ полка, являвшихся въ роли старинныхъ дворянскихъ „окладчиковъ“. Разборъ начался въ іюль; роты являлись къ смотру въ послѣдовательномъ порядкѣ. Каждый шляхтичъ обязанъ былъ представить о себѣ „сказку“—родъ послужнаго списка или *siggiculum vitae*, и затѣмъ доказательства своихъ правъ на принадлежность къ смоленскому дворянству. Годные къ службѣ отиѣчались въ списокѣ. Объявившіе себя большими были свидѣтельствованы лѣкарями смоленскаго гарнизона; негодные къ службѣ представлялись къ отставкѣ; недоросли отдавались родителямъ до 15-ти лѣтъ для обученія; изъ этихъ недорослей оказалось двое, пожелавшихъ ѣхать „для обученія наукъ въ Москву во учрежденный университетъ“, куда они и были отпущены. То были первые студенты Московскаго университета изъ Смоленской губерніи—студенты перваго года самого университета ¹⁾. Въ январѣ 1756 года разборъ былъ поконченъ. Онъ то и вскрылъ тѣ „великіе неурядки“, съ которыми мы уже познакомились выше по доношенію князя Оболенскаго ²⁾.

Но разборъ — былъ только первою предварительною мѣрой къ приведенію шляхетства въ порядокъ. Въ проектахъ дальнѣйшихъ мѣръ шляхетское начальство расходилось съ губернскимъ. Шляхетскія депутаціи, являвшіяся въ Петербургъ съ челобитьями, добивались главнымъ образомъ подтвержденія своихъ служебныхъ и возвращенія прежнихъ экономическихъ вольностей, а также независимости

¹⁾ Василій и Григорій Коховскіе 16 и 15 лѣтъ.

²⁾ Дѣла Сен. 1842.

отъ смоленскаго губернскаго начальства. Такъ, депутація 1762 года просила дать жалованнымъ грамотамъ „полную силу“, мотивируя это ходатайство тѣмъ, что эти грамоты „съ ливляндскими, эстляндскими и малороссійскими весьма равнопольны“. Отсюда видно, какія сепаратистскія стремленія существовали среди смоленскихъ дворянъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка ¹⁾).

Совершенно противоположный проектъ выработалъ князь Оболенскій послѣ того какъ познакомился съ положеніемъ шляхты, производя ей разборъ. Онъ, наоборотъ, настаивалъ на подчиненіи шляхты по военнымъ дѣламъ личной власти губернатора, а по гражданскимъ— губернской канцеляріи. Не проектируя никакихъ мѣръ для подъема экономическаго благосостоянія шляхетства, онъ предлагалъ радикальное изгнаніе изъ его полка всѣхъ „убогихъ“, предоставляя имъ право поступать въ армейскіе полки, гдѣ бы они получали жалованье, и назначая, такимъ образомъ, полкъ смоленской шляхты исключительно для состоятельнаго слоя дворянства. Наконецъ, вопреки всякимъ стариннымъ правиламъ и „обрядамъ“, онъ предлагалъ придать полку регулярный характеръ, „регула имъ дать знать“, съ правильнымъ раздѣленіемъ его на части и однообразною форменною одеждою—польскою.

Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ осуществленъ. Тѣмъ не менѣе положеніе смоленскаго шляхетства съ 50-хъ годовъ обращаетъ на себя большее вниманіе и въ высшихъ сферахъ, и съ тѣхъ поръ становится вопросомъ. Сенатъ, махнувъ, очевидно, рукой на иностранную коллегію, отъ которой онъ такъ и не могъ добиться доклада о прежнемъ устройствѣ и правахъ смоленскаго шляхетства, въ 1755 году предписалъ учредить для разработки вопроса о томъ, „на какомъ основаніи смоленскому шляхетству быть“—особую комиссію въ Смоленскѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ двухъ „персонъ штатскихъ ранговъ“ по назначенію Сената и изъ трехъ депутатовъ, избранныхъ шляхетствомъ. Комиссіи поручалось, изучивъ вопросъ съ исторической и современной точекъ зрѣнія, представить мнѣніе Сенату. О ея дѣятельности намъ ничего не извѣстно. Можно думать, что эта дѣятельность, если только она состоялась, имѣла консервативный характеръ. Во-первыхъ, такое направленіе должны были придать ей три выборныхъ депутата. А затѣмъ и самъ инициаторъ дѣла, по предложенію котораго и была учреждена комиссія,

¹⁾ Дѣла Сен. 1342, 3290.

графъ П. И. Шуваловъ, не высказывался за уничтоженіе особенностей, сохраняемыхъ смоленскихъ шляхетствомъ. „Смоленское шляхетство“, писалъ онъ Сенату въ своемъ предложеніи, „хотя издревле нерегулярное, но довольно надежда есть, что многіе изъ оныхъ по благородному своему состоянію и добрымъ кондуитамъ въ случаѣ надобности вѣрные патриоты государству услуги свои приносить могутъ“. Какъ бы то ни было, впрочемъ, никакихъ результатовъ отъ этой комиссіи не послѣдовало.

Однако вопросъ не сходилъ съ очереди. По посещеніи на престолъ Екатерины онъ былъ переданъ въ учрежденную тогда общую воинскую комиссію подъ предѣдательствомъ графа Кирилла Разумовскаго, въ которую вошли наиболѣе видные генералы того времени: фельдцейхмейстеръ Виллбоа, графъ Захаръ Чернышевъ, Петръ Панинъ и другіе. Эта комиссія взглянула на дѣло иначе. 20-го ноября 1764 года она представила императрицѣ докладъ по вопросу о смоленскомъ шляхетствѣ, выработанный ею при участіи смоленскаго генералъ-губернатора графа Фермора. Послѣ краткаго историческаго очерка преимуществъ шляхетства воинская комиссія мрачными красками рисовала современное положеніе дѣла. „Вся производимая отъ нихъ служба“, писала комиссія, „состоитъ единственно больше въ нарядахъ и въ численіи при тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ отряжаютъ, нежели чтобъ на настоящее и исправное содержаніе возлагаемой на нихъ службы съ надеждою полагаться когда либо было возможно; къ тому жъ хотя состоящіе въ томъ корпусѣ чины и именуются тѣми же званіями, какъ и въ регулярныхъ полкахъ, токмо никакого сравненія съ оными не имѣютъ. Наконецъ, практика доказала, что сей образъ службы подалъ случай богатымъ изъ нихъ дойдти больше происками, нежели службами, до знатныхъ чиновъ, а убогимъ претерпѣвать самую величайшую бѣдность отъ недостатка въ потребномъ себя содержаніи и отъ труда, иногда превосходимаго силу и возможность человеческую, отъ того что по неустановленію въ ихъ службѣ настоящихъ учреждений, богатые отъ трудовъ убѣгаютъ, а бѣдные всѣ оныя сносить принуждены“. Въ виду всего этого комиссія предлагала: „производимую до нынѣ смоленскимъ шляхетствомъ службу безъ жалованья, яко совѣтъ не полезную ни для государства, ни для нихъ собственно и не согласную съ указомъ о вольности дворянства *оставить и совсѣмъ разрушить*, оставляя имъ вольность служить и не служить по ихъ собственному благозобрѣтенію на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній о дворянствѣ“. Такимъ образомъ про-

ектъ комиссіи совѣтъ уничтожалъ особый полкъ смоленской шляхты со всѣми его служебными особенностями, предоставивъ смоленскому дворянству служить въ арміи или гвардіи на общихъ правахъ со всѣмъ остальнымъ русскимъ дворянствомъ. За офицерами шляхты сохранялись офицерскіе чины съ пониженіемъ на нѣсколько степеней. Три небольшія слова на докладѣ комиссіи — „быть по сему“ покоńczyли навсегда съ старинными вольностями смоленскаго дворянства ¹⁾). Переставъ существовать какъ отдѣльная военная корпорація, оно скоро растворилось въ общей массѣ русскаго дворянства и потеряло свои польскія черты. Въ комиссіи 1767 года оно еще разъ вспомнило было о званіяхъ жалованныхъ грамотахъ; но это было уже послѣднее, и безрезультатное, воспоминаніе о минувшемъ.

М. Богословскій.

---

¹⁾ Дѣл. Сен. кн. 3290. См. также П. С. З. книга штатовъ № 12.304. 1765 г. 11-го января г. Латкинъ въ своей книгѣ „Законодательныя комиссіи въ XVIII вѣкѣ“ стр. 263, неправильно утверждаетъ, что: „сенатскимъ указомъ отъ 14-го марта 1761 года всѣ дѣла о смоленской шляхтѣ, находившіяся прежде въ вѣдѣніи особаго смоленскаго приказа, а потомъ сенатской конторы (?) предписано передать въ герольдмейстерскую канцелярію (?). Этими смоленская шляхта совершенно и окончательно сравнивалась съ русскимъ дворянствомъ и съ тѣхъ поръ не было уже ни одного указа, говорившаго объ одной смоленской шляхтѣ“. Послѣднимъ указомъ, говорившимъ о шляхтѣ и уничтожавшимъ ея особенности и былъ докладъ воинской комиссіи, Высочайше утвержденной 11-го января 1765 г. Передача дѣлъ въ герольдмейстерскую контору по указу 1761 года поныне не состоялась: по крайней мѣрѣ они и теперь хранятся среди дѣлъ сената, а не этой конторы. Во всякомъ случаѣ эта передача еще не сравнивала бы сама по себѣ смоленское шляхетство съ остальнымъ русскимъ дворянствомъ.